ЛЕОНИД МОРГУН

НАЙТИ ФИЛУМБРИДЖИЙЦА

Леонид Иванович Моргун
Найти филумбриджийца

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8077722
Млечный Путь; 2014
ISBN 978-5-00064-301-3

Аннотация

Сборник фантастических повестей и рассказов современного российского автора, написанных броско, изящно и со вкусом. Рассказы читаются легко и надолго запоминаются, поскольку написаны с юмором. Однако «сказка ложь, да в ней намёк» – в каждом рассказе содержится свой философский подтекст, раскрывающий авторский взгляд на те или иные проблемы нашего бытия.

Содержание

Найти филумбриджийца 4
Прощай, Амазония! 59
Проблема смазки 96
Конец ознакомительного фрагмента. 104

Леонид Моргун
История базы и Другие рассказы

Найти филумбриджийца

Подлетая к окрестностям Альтаира, выйдите на смотровую палубу вашего звездолета и поглядите в район звездного скопления НГС-552. И когда корабль сбавит скорость, обходя область влияния нейтронной звезды А 233-16, на самом краю скопления вы сможете заметить крошечную блестящую точку. Это и есть НИ-КБ (научно-исследовательская космическая база) № 19. При желании вы сможете подробнее рассмотреть ее в сильный телескоп. 180 лет тому назад она походила на клубок серебристой пряжи, пронзенный спицами причалов. Клубок, диаметром 4 километра, и причалы по 7 километров каждый. Но время шло. Люди рвались в глубины галактики, а база оставалась в тылу, расширялась, ремонтировалась и реконструировалась, и постепенно превратилась в то, что вы можете видеть сейчас – уродливое, беспорядочное нагромождение коробок и куполов, похожее на порождение фантазии пьяного кубиста. Пустуют запыленные причалы. База давно уже утеряла научное и исследователь-

ское значение. Сейчас она превратилась в чисто административный городок, где работают конторы нескольких институтов, трестов, региональная инспекция по охране окружающей среды, отделение галактического банка. Есть общежитие для рейсовых челночных бригад. Когда они прилетают, гулкие коридоры наполняются грохотом подбитых магнитными подковками ботинок, жизнерадостными веселыми голосами и здоровым молодецким смехом. Но кончается пересменка и вновь Базу окутывает сонная тишь. Шуршат листы отчетов и справок. На дисплеях перед бледнолицыми сонными девушками приплясывают колонки голубоватых цифр, мерно гудят компьютеры, извлекая из недр своих трилионы бит потребной кому-то информации. А затем кончается условный день и начинается не менее условный вечер. Для трех с половиной тысяч человек населения Базы он обычно бывает заполнен танцами, кино, флиртом, для кого-то щемящей тоской, для кого-то бурной радостью. В такие-то вечера и появляются на свет личности, днем обычно незаметные, в силу того, что и должности они на Базе занимают самые

Невзрачные – пожарные, вахтеры, технические исполнители, был даже один комендант общежития. Все это были люди пожилые, чтобы не сказать старые. В молодости они прилетели на Базу, мечтая посвятить жизнь исследованию и освоению необъятных галактических пространств, принести свет человеческого разума в самые глухие закоулки галактики. И им это удалось, долгие годы они возвращались на Базу,

опаленные светом невиданных солнц, на зубах их хрустела пыль таинственных планет, они громко смеялись и шагали неуверенно ставя ноги, отвыкшие. от гравитации. Они были живой легендой, покорителями и первооткрывателями, и подвиги их были описаны в очерках и романах и сняты в кино. Но когда глаза их стали слабеть, а руки потеряли твердость, когда они начали терять сознание во время перегрузок, и долго и шумно скандалить с врачами, начальство стало вежливо, но твердо вычеркивать их из списков экспедиций. И они стали оставаться на Базе, томясь от сознания собственной никчемности и с завистью провожали в дальние рейсы бодрых и подтянутых новичков, Они же оставались. Надолго. Навсегда.

По вечерам они порой появлялись на «бродвеях» центральных ярусов, временами маячили на спортплощадках, забредали в кинозал, кое-кто захаживал в бар, но итогом их прогулок был всегда этот уголок по соседству с комнатой дежурного электрика.

Этот закуток в шутку прозвали Старой Хрычевней. Располагался он в самом конце сорок седьмого яруса, под пожарной лестницей. Одна его стенка приятно грелась от соседства уранового котла, а под потолком висела маленькая тусклая лампочка, которая начинала угрожающе раскачиваться всякий раз, когда База совершала очередной маневр в пространстве.

Обычно там было туманно от дыма безникотиновых си-

гар, шла ожесточенная игра в нарды или домино, в неимоверных количествах выпивался чай, и над всем этим витал неторопливый разговор.

Я работал тогда старшим инженером в управлении геологических изысканий, днем корпел над отчетами экспедиций, составлял сводки, сочинял справки, а по вечерам писал рассказы. Раз в месяц на меня возлагались обязанности ночного дежурного по Базе, как, впрочем, и на остальных специалистов среднего звена.

В одно их таких дежурств и забрел я в Старую Хрычевню. И… остался там. С тех пор я почти каждый вечер забирался в уютный уголок под лестницей и слушал, слушал рассказы ветеранов. Многие из них я потом записал. Недавно, перебирая свои архивы я наткнулся на один из этих рассказов, который и предлагаю вашему вниманию.

* * *

Эдвард Тотс, которого базовские старички с ехидцей прозвали Чуть-Того-с, в отличие» от прочих обитателей Старой Хрычевни, был на Базе гостем. Он прилетел откуда-то из глухой галактической провинции повидаться с сыном, который очень не вовремя задержался в рейсе. Целыми днями его папаша слонялся по огромным угрюмым коридорам Космической Базы № 19, изводил заведующего экспедиции, диспетчеров порта и начальника почты. Он производил впе-

чатление тихого, смирного старичка, мягкого, застенчивого и совершенно неприспособленного к космосу. За глаза старая язва брандмайор Афлатун едко, но метко окрестил его «астрохлей». И в самом деле, трудно было представить себе, чтобы этот человек когда-либо в жизни занимался бы каким бы то ни было созидательным трудом, ибо во всех вопросах, связанных с космосом, навигацией, пространством, астрономией или производством, он проявлял совершенно фантастическое невежество. Тем не менее он был очень начитан, не расставался с томиком Бодлера на французском, хотя Афлатун и уверял всех, что при чтении тот держит книжку вверх ногами. В Хрычевне он бывал постольку, поскольку ему надо было где-нибудь находиться по вечерам. Этот уютный уголок под лесенкой около будки дежурного электрика, приют базовских отставников и пенсионеров был единственным местом, где все они чувствовали себя действительно дома. К Чуть-Того-су в этом заведении относились очень нейтрально, чтобы не сказать пренебрежительно, почти не замечали. Но как-то раз, когда у старичков зашел спор о различных достоинствах и недостатках славных покорителей Галактики, под началом коих довелось послужить им в молодые годы, Эдвард Тотс неожиданно заговорил и поведал нам удивительную историю, которую я сейчас и предлагаю вниманию любезных моему сердцу читателей. А начал он так:

– Я знавал лично многих славных командоров. Но сдается мне, что львиную долю славы отхватил себе человек,

ни в коей мере ее не заслуживший. Да, милостивые государи, если космос и знавал бонвиванов и фанфаронов, то самым спесивым и самовлюбленным среди них несомненно был некий командор Филипп У.М.Бридж. (У.М. расшифровывалось как Уильям-Моррис. Злые языки поговаривали, что интеллекта в этом человеке было не больше, чем в одноименной пачке сигарет, а пользы и того меньше. Неизвестно, в силу каких качеств своего характера, заслуг или связей получил он место начальника исследовательского звездолета. Очень скоро и начальству его и подчиненным стало ясно, что места этого он совершенно не заслуживает. И уже готов был суровейший приказ о его понижении в чине и полном увольнении, как вдруг неожиданно пришлось всё пересмотреть и срочно представлять его к ордену. Он просто должен был благодарить судьбу, что случайно открыл новую планету, причем изобильнейшую, причем обладающую разумным населением, и причем совершенно не прикладая к этому рук.

Я так уверенно говорю об этом потому, что в ту ночь на вахте его корабля стоял мой отец. Именно он заметил стаю диковинных существ, которые хороводом окружили звездолет, именно он поднял тревогу, и он же не допустил, чтобы командор открыл пальбу по беззащитным зверюгам, которые, как вскоре выяснилось, оказались племенем космических скитальцев. Впечатление они, конечно, производили ошеломляющее и даже слегка отталкивающее. Внешне они представляли собой нечто среднее между каракатицей, ось-

миногом и морской звездой, довольно причудливой розовато-лиловой окраски, с шестью толстыми щупальцами и тремя глазами на большом воздушном вешке, наполненном гелием, который позволял им летать над поверхностью планет и в космосе. Летая, эти существа перерабатывали невинный газ в нечто тяжкое и смрадное, в ползучий черный дым, который извергали из себя всякий раз, когда хотели передвинуться. Вещество это было менее опасным, чем хлорпикрин, но эффективным ничуть не меньше горчичного газа. Наши знакомцы не умели разговаривать, если не считать разговором клекот и невнятные цокающие звуки, которыми они изредка обменивались при еде. Единственным их преимуществом перед людьми были превосходно развитые телепатические способности. Они могли обмениваться между собой связными мыслями и яркими образами. Впрочем, круг их интересов замыкался на еде и самолюбовании. В остальном уровень их развития был не выше, чем у троглодита. Язык их насчитывал 150–200 слов, из которых большую часть составляли междометия. Некоторые ученые позже пытались искать в них отголоски влияния некоей працивилизации, выискивали в их среде хоть какие-то намеки на зачатки наук и искусств, но тщетно. Ну чего вы хотите? Представьте себе человека, живущего в мире, лишенном естественных врагов и суровых условий, в мире, изобилующим пищей, светом, теплом, прекрасными климатическими условиями, индивидуума, лишенного каких-либо проблем, даже половых, ибо раз-

множаются эти существа отпочковыванием, представьте себе, говорю я вам, гения, живущего в этом благодатнейшем из миров, – и вы получите ленивого, туповатого, скучающего бездельника, недотепу и немного философа, каковыми и являлись большинство туземцев. «Но, где же? – вопросили их люди. – Где этот мир и почему вы покинули его ради холодного и пустынного космоса?..» «Да во же! – отвечал старый Вождь, чья кожа поросла лишаями от времени. – Вот она наша планета, с которой нас изгнали в результате гнусных происков всяких мерзавцев вроде вулканщиков, ржаво-болотников и чащобников… Нас, исконных обитателей этого мира, которые имеют прав на него гораздо больше, чем они! Во-он тута находится эта планета и называется она…»

– Филумбридж! – заорал командор. (Видно, это слово давненько уж вертелось у него на языке). – Отныне и навеки пусть наречен он будет Филумбриджем!

И он доставил изгнанников назад, промерил и заснял всю планету. Его рапорт в Управление Астронавтики напоминал «космические оперы» из книжонок для подростков. Он не поленился расписать свои «подвиги» на ниве Контакта. А на карте планеты отныне и навек красовались Море Филиппа, залив Уильяма, хребет Морриса и Океан Бриджа. В скором времени люди стали частыми гостями на Филумбридже. Они долго пытались завязать какие-либо контакты с прочими племенами планеты, но ни вулканщики, ни ржаноболотники не проявили к ним особой симпатии, а чащобники во-

обще… ну, да, это тема для особого разговора. И, возможно, эта планетка так и осталась бы в списках заповедных, если бы не оказалась самым настоящим ртутным Клондайком. Самородная ртуть там водилась в количествах, поражающих самое смелое воображение. Там стояли ртутные лужи, плескались ртутные пруды и озера. Сам воздух планеты был напоен ядовитыми испарениями, которые с удовольствием вдыхали туземцы. Вкусы у них, надо вам сказать, были весьма специфическими. Питались они в полном смысле этого слова воздухом, серная кислота служила им приправой к завтраку, а крепкий электрический разряд действовал на них, как валерьянка на кошек.

В мрачные грозовые дни видно было, как они поднимались под самые тучи и, раздув свои мешки, носились между молниями, как взбесившиеся дирижабли. В короткое время на Филумбридже вырос ртутнодобывающий комплекс, а при нем поселок, филиалы и лаборатории нескольких институтов с населением в пять тысяч человек. Я среди них был старожилом.

Отец мой близко к сердцу принял колонизацию планеты. Ведь она в какой-то мере была его детищем. До конца дней своих он не мог себе простить, что по его вине первозданный и прекрасный в своей чистоте и нетронутости мир оказался в алчных лапах нашей технологической цивилизации. Он входил во все комиссии по защите прав коренного населения планеты, сочинял и подписывал петиции, организовы-

вал марши протеста против колонизации планеты, а потом и вовсе добился перевода на Филумбридж и стал там вскоре начальником, диспетчером, радистом и инженером единственного филумбриджийского космодрома, женился. Вскоре родился я. Мои детство и юность прошли на Филумбридже. Отмучившись два года в Альтаирском университете, я вернулся назад не без облегчения. Из всего многообразия профессий, которые могла предложить мне наша бездушная цивилизация, я выбрал ремесло поэта. А поскольку стихи мои браковали во всех редакциях, я решил обождать, пока мир созреет для восприятия моего творчества и принялся помогать папе присматривать за космодромом. Однако, действительно любимым моим занятием было бродить по планете, читать стихи туземцам и болтать с ними о том, о сем. Я настолько адаптировался к этому миру, что на мой организм совершенно не оказывали вредного воздействия ядовитые пары. Я редко одевал кислородную маску и был на короткой ноге с окрестными племенами. Вернее, то были разные кланы одного разросшегося племени изгнанников, которым по прежнему правил седоглавый Вождь. Лишь одно это племя благоволило к человеку, и прозывалось оно драбаданами. Я пропадал у них, бывало, неделями, и они принимали меня за своего. Такой образ жизни я вел довольно долго, был им доволен и не мечтал ни о чем другом. Но, однажды, утром произошло событие, перевернувшее всю мою жизнь.

* * *

Всё утро мы играли в ловитки с Ниф-Нифом. Так я прозвал своего любимца – большого, розового молодого туземца-драбаданина. Строго говоря, он был моим ровесником. Но в его племени двадцать семь наших лет считались ясельным возрастом.

Потом мы с ним отправились в хвощевой лес и половили там крумерий – это такие здоровенные трехкрылые бабочки изумительной расцветки, причем на каждом крылышке растет своя голова, так сказать, инсектоидный вариант Змея-Горыныча. Потом мы полазали по ущельям. Потом полетали под облаками. Потом разразилась гроза: Ниф-Ниф освежился, а я посидел в пещере – не самое приятное ощущение, когда с небес на тебя обрушивается поток серной кислоты, пусть даже и слабой концентрации. Потом, когда дождь кончился, мы слетали поглазеть на гейзеры. Не удивляйтесь, что всё это мы успели сделать за одно утро: Филумбридж очень медленно вращается вокруг своего маленького, но очень жаркого солнца, утро там длится несколько наших суток – от трех в мартеле до шести в сентябрусте. От веселых игр в гейзерах нас оторвал сердитый звонок мобильника в заднем кармане моих брюк. Я, вздохнув, полез за сотовым. С дисплея на меня сердито таращился отец.

– Куда это ты запропастился, бездельник! – заворчал он

при виде меня. – А, ну марш немедленно домой!

– Но, папа, мы только…

– Не папа, а гражданин начальник порта! – загремел он. – Если через полчаса ты не будешь на работе, я влеплю тебе строгача с занесением!

Пришлось подчиниться. У папы «строгач» означал как минимум двое суток домашнего ареста, да еще без сладкого. Ниф-Ниф подхватил меня своим мощным щупальцем, для верности я еще привязался к нему ремнем – и мы помчались домой со скоростью хорошего истребителя, оставляя за собой длиннющий шлейф грязно-бурого дыма.

– Что, прилетает большая летучка? – спросил меня Ниф-Ниф по дороге.

– Наверное, – ответил я. – Хотя для «Стромбрейнджера» еще рановаго, он ведь только на той неделе улетел.

«Стормбрейнджером» именовался контейнеровоз, который регулярно снабжал нас продуктами и оборудованием, а взамен получал цистерны с самородной ртутью. Оказалось, что к нам в гости пожаловал корабль из метрополии и привез с собой нескольких весьма важных гостей. Отец уже вырядился в парадную форму, заставил и меня одеться поприличнее. На космодроме было много встречающих и народ все прибывал.

Уже сидя за рулем трапа, убранного для такого случая цветами и коврами, я узнал, что оказывается Филумбриджу присвоили статус «добровольно присоединившейся терри-

тории», и, теперь, к нам прибывает генеральный консул аж с самой Земли. Никто толком не знал, как его встречать, но на всякий случай все разоделись, приготовили банкетный зал, запаслись отчетами о проделанной за истекший год работе. Директор ртутного комбината Харви Шунбром отдал под аппартаменты консула свой летний домик. В скором времени на поле приземлился спускаемый модуль со звездолета, который парил высоко над нами. Когда пламя под дюзами опало, я подъехал к модулю. Отворился люк и по трапу спустились двое в скафандрах. Один из них, едва завидев меня, бросился мне на шею, набив мне при этом изрядную шишку на лбу стеклом своего гермошлема.

– Эдди! – закричал он. – Ты не узнаешь меня, старый кенарь?!

Как я мог не узнать его? С Бустиньелем Ламермуром мы учились на Альтаире и два года прожили в одной комнате. По числу двоек и прогулов он был вторым на факультете, ибо на первом месте неизменно шел ваш покорный слуга.

– Буст! – воскликнул я. – А ты какими судьбами?

– Два года коптил потолки в МИДе, а теперь вот забросили консулом на периферию. А ты здесь чем занимаешься?

– Сторожу порт. А еще выдаю багаж, проверяю и компостирую билеты…

– Чепуха! – засмеялся он. – Я подыщу тебе местечко получше. А, пока, познакомься, мой секретарь Конститусьон Слависски.

– Можно, просто, Конни, – сказала второй космонавт и протянула мне ладошку.

Это была девушка, и притом прелестная, насколько позволял разглядеть скафандр. А мне достаточно было только взглянуть в ее бездонные синие глаза, увидеть ее милую застенчивую улыбку, разглядеть прядку пшеничных волос, выбившуюся из-под капюшона – и я сразу понял, кого ко мне столь долгие годы призывало мое поэтическое воображение.

Встреча получилась на славу, Шунбром произнес торжественную речь, которая была у него заготовлена с незапамятных времен и он угощал ею каждую комиссию. Стоит ли уточнять, что она была написана мной еще в годы студенческой юности и с тех пор не претерпела ни малейших изменений. Правы был древние итальянцы, говоря, что «ars longa vita brevis*».

Буст в свою очередь разразился полуторачасовой тирадой, в которой вкратце обрисовал жалкое существование нашей планеты в качестве колонии и восхитительное будущее, которое сулит ей присоединение к Интерспейсу. Правда, он постоянно вместо Филумбриджа называл какой-то Куфорньенг и нас упорно продолжал именовать куфырнианами, но все делали вид, что не замечают этого. Потом был банкет и танцы, на которых все веселились от души. Конни очаровала все мужское население бывшей колонии, страдавшей от недостатка женского общества. Я, стоя в уголке, любовался тем, как она исполняла все эти новомодные танцы, которые

теперь считаются чопорными, но мой старик полагал их верхом разврата. И тогда я впервые за всю жизнь пожалел, что так и не научился танцевать.

Утром следующего дня я зашел к Бусту, помог ему прибить к фасаду домика здоровенную черную с бронзой вывеску «Генеральное консульство Интерспейса», подвесил на крышу флаг Интерспейса и остался позавтракать. Консульский паек был изобильным. Такого мы не едали даже по праздникам. Но кусок не лез мне в горло, я во все глаза любовался красавицей Конни и вполуха слушал болтовню своего приятеля.

– Да ты совсем спишь! – сказал он, подливая мне мадеры. – Я спрашиваю, как ты не боишься ходить по улицам без маски. Здесь же говорят, жутко ядовитый воздух.

– Я привык. А может быть, мутировал… Поживи здесь с мое…

– Благодарю, – отвечал он, сердито сверкнув глазами. – Такой участи я и врагу не пожелаю. Я, если хочешь знать, готовился поехать послом на Де Спика, во всяком случае дядюшка сватал меня именно туда. Но для этого нужно иметь два-три года дипломатического стажа. Отработаю их – и поминай как звали. Боже мой! Три года в этой глуши. Ртуть, плебеи да еще эти каракатицы…

– Они прекрасные ребята. Очень дружелюбные и веселые.

– А ты, что? Общался с ними? – заинтересовался Буст.

– А как же? Мы с ними очень дружны.

– Старина! – воскликнул он. – Вот кого мне не хватало для полной укомплектации штата – почему бы тебе не пойти ко мне секретарем по туземным делам?

– Мне? Секретарем?

– А что? Грамотно писать ты, надеюсь, не разучился. Многого пока обещать не могу, но полтысячи в месяц…

У меня голова пошла кругом. На всех моих должностях у папы в порту, как основных, так и совместительских я не зарабатывал и трех сотен, да и от них гроша не видел, ибо и получку за меня получал родитель, а тут, вдруг, сразу и столько… Но подумал я и о том, что на этой должности, сидя взаперти в четырех стенах, не увижу я уж больше родных моему сердцу сопок, не пролечусь с молодняком над болотами, не вылеплю дворца из лишайников, не приму участия в Большом ежегодном Молении… Но поймал лукавый взгляд Конни, смешался, покраснел и… согласился.

Отец сначала не отпускал меня, не подписывал заявления об уходе, потом пригрозил, что уволит за прогулы, но Ламермур надавил на него через Шунброма, и вскоре началась моя деятельность в новом амплуа.

В консульство я заявлялся к десяти утра. Мы завтракали, потом отправлялись прогуляться по поселку, заходили на почту поболтать с начальником, пропускали у него по стаканчику и, нагуляв аппетит, шли обедать в ресторан, где для нас был уже уготован отдельный кабинет. После обеда мы выкуривали по сигаре и шли в зал, где нас уже ждали пив-

ные кружки и свежие газеты, только что доставленные по из радиостанции. После ужина нас на еженощную пульку приглашали Шунбром со своим заместителем Гольцем. И так продолжалось без малого три недели. К концу месяца мы с Конни садились за расчеты и переписывали из гроссбухов комбината данные об основных экономических показателях их работы, которые, впрочем, не баловали нас разнообразием, суммировали количество заболевших и выздоровевших, травмированных и повысивших квалификацию, разносили всю эту информацию по графам и за подписью Ламермура посылали в Центр, который, очевидно, на основании этих данных делал глубокомысленные выводы о неуклонном росте благосостояния Филубриджа. В дни праздников я подгонял к консульству директорский вездеход, привязывал флажки к усикам антенн, и мы с Бустом отправлялись разносить поздравления, состряпанные им накануне. Одно – от лица Интерспейса населению доминиона он вручал директору, другое – от лица населения доминиона Интерспейсу – отдавал на почту. Затем он напяливал поверх скафандра фрак и мы с ним ехали в расположение главного клана драбаданов, где и проживал друг мой Ниф-Ниф. Там мы вручали Вождю двухсотлитровую канистру «царской водки» и новенький 500-вольтовый аккумулятор, и все племя закатывало по такому случаю грандиозное пиршество. Буст хохотал, глядя на это с пригорка. Мне же, откровенно говоря, было неприятно глядеть на то, как туземцы устраивают попойки и

драки вокруг наших подарков.

Конни оказалась прекрасной, очень славной девушкой, доброй и работящей. Целыми днями она стряпала на нас, вела текущую документацию, а по вечерам занималась. Она училась на заочном отделении филологического института и специализировалась на инопланетном фольклоре. К сожалению, с этим у туземцев было негусто. Не называть же так воспоминания Вождя о временах, когда они с прошлым Вождем летали между тучами и шальная молния уложила старика на месте. Эту историю он мог рассказывать годами к общему восхищению соплеменников. Конни просила меня отвести ее к вулканщикам и ржавоболотникам, но я и сам их побаивался, уж больно воинственные это были племена. Конни очень нравилась планета. Она и в самом деле прекрасна, особенно на рассвете, когда маленькое, злое, рыжеватое солнце высвечивает своими колючими лучами заросшие мхом равнины; червонным золотом поблескивают на них ртутные лужицы и диковинными фигурами курится бурый туман…

Следующий визит «Стормбрейнджера» нагрузил нас работой. Во-первых, требовалось срочно провести перепись населения, затем составить грандиозные простыни расчетов и подсчитать, сколько на планете проживает взрослых людей, подростков, мужчин и женщин, сколько особей занимается общественно-полезным трудом, а сколько нет, и прочая, прочая… И все это требовалось сотворить в ближайшие часы, пока звездолет загружался почтой и ртутью, ибо за за-

держку отчетности командор имел право вчинить иск консульству, а непредоставление отчетов могло дорого обойтись Бусту. Сначала мы хихикали, читая графы отчета, потом хохотали, держась за животы, потом взялись за головы. Буст глянул на часы и велел нам срочно приниматься за работу. Он разрешил нам писать все, что бог на душу положит, но заклинал избегать круглых цифр, которые могут вызвать у проверяющих подозрения. Бедная Конни! – как только она ухитрялась разделить на мужчин и женщин однополое население и скольких из этих бродяг и вольных охотников было ею причисленно к занимающимся общественно полезным трудом? Я не спрашивал, а она стеснялась отвечать. Я же принялся вдохновенно сочинять справку о воспитательной и общеобразовательной работе, проводимой нами среди местного населения (поэмы, честно говоря, удавались мне лучше), а сам Буст удалился, чтобы перехватить командора. Они с директором поймали его в столовой, оттуда перекочевали в буфет, оттуда в директорский дом, где заперлись в спальне, пели песни и, судя по звукам, развлекались тем, что швыряли бутылки в люстру – кто попадет? Явившийся рано поутру старший помощник командора погрузил своего шефа в гравилет и отправился на корабль, прихватив с собой по пути наши отчеты и сказав о нашем гостеприимстве немало слов, не значащихся в толковых словарях. О значении некоторых из них я до сих пор могу только догадываться.

К следующей почте мы готовились основательно. Я подго-

товил несколько десятков справок на все случаи жизни. Конни составляла планы развития Филумбриджа на ближайшие столетия, Буст же вдохновенно занимался карнавалом, который мы решили провести на Новый год. Он с юных лет был мастером на всякие массовые праздники и развлечения. Хлебом его не корми, дай только организовать какую-нибудь вечеринку с переодеваниями или маскарадную процессию. Лишь за это его и держали в университете.

Прилетевший под праздник звездолет порадовал консульство лишь одним тощим конвертом за тремя сургучными печатями и золотой надписью «диппочта». Ламермура мы отыскали в ресторанчике, где он развешивал гирлянды. Он вскрыл пакет, пробежал глазами письмо, потом его скрючило, и он повалился на пол и задрыгал ногами в приступе истерического смеха. Подхватив выпавший из его рук листок, Конни прочла: «Настоящим вам предписывается подобрать кандидатуру для представления. Основные характеристики: представляемый должен быть коренным филумбриджийцем мужского пола, желательно брюнет с голубыми глазами, рост 170–180, вес не более 90 кг, можно с брюшком, образование не ниже среднего, желательно семейного. Социальное положение: из тружеников, желательно, рабочий…» – к концу ее чтения приступ хохота у нас уже прошел и сменился надрывными стонами. Отсмеявшись вволю, я предложил:

– Может быть, послать твоим шефам популярную брошюру Граузена «Сапиенс Филумбриджа»?

Буст поморщился.

– Ты плохо представляешь, с кем имеешь дело, – сказал он со вздохом. – Эти парни не любят, когда их учат. Они привыкли сами поучать.

– Интересно, что они собираются с ним делать? – задумчиво произнесла Конни.

– Написано же «для представления». Может быть, представят к ордену Интерспейса. Или к медали «За Сотрудничество» или какую они еще там выдумают. А может быть, введут в Совет Интерспейса. Или сделают генеральным консулом в метрополии. Ты думаешь, мы от хорошей жизни решили превратить колонию в доминион? Как ты нам прикажешь ратовать за полную и всеобщую деколонизацию, если мы сами имеем колонии? Нет, кандидатура – дело тонкое, здесь главное – не допустить политической ошибки. Собирайся, – сказал он мне. – И прихвати канистру с кислотой.

– Куда это?

– Съездим с Дурню, – так он перекрестил старого Вождя. Я обрадовался, потому что давно не видел Ниф-Нифа. Я приготовил ему в подарок отличную двухсотвольтовую батарейку и надеялся, что он будет доволен.

Племя мы нашли километрах в двадцати от поселка. Все население, едза завидев нас, приветливо замахало щупальцами и помчалось навстречу, так что от их едкого дыма даже у меня перехватило дыхание. Однако Вождь отогнал сородичей и, подлетев поближе телепатировал:

«Вкусного воздуха! Жаркого солнца! У вас опять праздник?»

– О да, Великий Вождь, – отвечал я. – И мы желаем вам много гроз и Большого Дождя!

«Я люблю ваши праздники, – бесхитростно сказал старик. – Вы тогда приносите много вкусных вещей».

– Скажи ему, что на этот раз это не только наш но и их праздник, – велел мне Буст. Он был не силен в телепатии и не в силах был перевести мыслеобразы, которыми обменивались туземцы в конкретные слова. Это, кстати, было непросто. – И ещё скажи, что одному из его соплеменников выпадет скоро великая честь представлять всю планету в Совете Интерспейса. Ему дадут много кислоты, щелочей и аккумуляторов…

«Я согласен, – быстро решил Вождь. – несите всё сюда».

– Увы, о Бессмертный, – я развел руками, – но тогда тебе придется покинуть родную планету, оставив на ней родное племя, родные края и места охоты и переселиться в наш мир. Назначь кого-нибудь сам.

Вождь насупился и приступил к размышлениям. Долгое время он в буквальном смысле этого слова «витал в облаках», раздумывая, а затем спустился и известил:

«Думаю, надо послать Пятнистого. Что-то у него совсем пропал аппетит. Может быть, путешествие пойдет ему на пользу».

Ламермур наотрез отмёл эту кандидатуру.

– Больной? Этого еще не хватало! А вдруг он помрёт в дороге или сразу же после приезда? Это же будет международный скандал! Нет, пусть дает совершенно здорового и не старше тридцати лет.

С великим трудом я растолковал Вождю, какой период времени обозначают тридцать наших лет, и он возмутился:

«Как можно отпустить несмышленого ребенка в чужие края? Да и что от него там толку?»

– Ты ему объясни, Эдди, что толк – это наше дело…

Туг я ощутил страстный призыв Ниф-Нифа, который витал неподалеку, делая вид, что нас не замечает.

– Дослушай, твоё сиятельство, – сказал я Бусту, – видишь вон того парня? Давай пошлем его. Он редкий умница и обожает учиться. Он даже освоил немного таблицу умножения.

– Не думаю, что она ему там пригодится, – с сомнением сказал Ламермур, скептически оглядев мою кандидатуру. – А главное – он розовый, как поросенок. А рост? Метра четыре, не меньше. А нам нужен двухметровый брюнет. Скажи Дурню, пусть выстроит перед нами весь молодняк, а мы посмотрим.

Битых полчаса он разглядывал выстроившихся перед ним туземцев, пока, наконец, не сделал выбор.

– Спроси-ка, что Дурень скажет насчет этого, с прозеленью. Вид у него довольно забавный. И смышленый. Ты не находишь?

Это-С-Про зеленью показался мне довольно туповатым

субъектом без малейших признаков интеллекта. Весь он был какой-то пегой окраски с большим исчерна-зеленым пятном на мешке. Я попробовал было с ним пообщаться, но вскоре понял, что занятие это бесполезное.

«Вам нравится Это-С-Прозеленью? – обрадовался Вождь. – Берите его и поскорее. От него нет проку ни в драке, ни на охоте. Где ваша бочка?»

– Погоди, погоди! – осадил его Ламермур. – А характеристика?

Над ней мы корпели битых два часа. В результате на свет родился документ, из которого явствовало, что Этот-С-Прозеленью действительно является коренным жителем Филумбриджа, тридцати трех лет от роду (о половой принадлежности мы благоразумно умолчали), с полным начальным образованием. Мы указали, что за годы своей жизни и деятельности в родном племени Этот-С-Прозеленью проявил себя с самой положительной стороны: скромен в быту и личной жизни, почтителен к старшим, занимается спортом (если считать таковым прыжки по кочкам), грамотен, устойчив и активно работает над повышением своего морально-политического уровня…

Изнемогавший от нетерпения Вождь приложил под характеристикой свою присоску – и мы принялись сочинять биографию рекомендуемого. В ней перечислялись все 722 близких родственника, причем имена мне пришлось выдумывать на ходу, поскольку в обиходе филумбриджийцы превосход-

но обходятся даже без кличек. Я не представлял до сей поры, что можно сказать о жизни филумбриджийца. Ну, ел, ну, пил, спал, дрался с соседями…Но Ламермур насочинял такое, что Этого-С-Прозеленью вполне можно было вводить либо в Академию Наук, либо в Совет Интерспейса. В тот же вечер «Стормбрей-нджер» стартовал, увозя в метрополию нашу депешу. А мы продолжили подготовку к карнавалу.

Праздник наш удался на славу. Мы устроили парад масок, потом был банкет, потом танцы, потом разыгрывались «живые картины» и прочие шарады. В разгар всеобщего веселья примчался бледный как полотно начальник почты и, потрясая бланком правительственной депеши взобрался на стол. Все мы, сочтя это за очередную шутку, зааплодировали и приготовились слушать.

– Господа и товарищи! – с растерянным видом произнес почтмейстер. – Только что я получил экстренную сверхсветовую телеграмму из метрополии. Позвольте мне зачитать ее содержание. «Консулу Ламермуру для исполнения. Настоящим сообщаем, что Совет Интерспейса рекомендует провести выборы на планете Филумбридж и избрать президента указанной территории…»

Зал разразился овацией.

– Минуточку, господа! – перекрывая шум, закричал наш почтмейстер. – Тут имеется продолжение: «вышестоящие органы рекомендуют избрать на этот пост коренного филумбриджийца, положительно характеризующегося по работе,

по имени… – он сделал многозначительную паузу: – Этот-С-Прозеленью.

Шунбром с недоумением поглядел на Ламермура.

– Я что-то не припомню никого с этой фамилией. Может быть, это кто-то из наших ученых?

Вацлав Сигельский, начальник филиала института астрогеологии, также пожал плечами:

– Держу пари, – сказал Гольц, – наш консул предложил Совету какого-то местного шестинога.

– Постойте, постойте, – Шунбром почесал в затылке. – Я, кажется, припоминаю, перед отлетом этот господин принес мне на подпись какую-то характеристику… – он поглядел на начальницу отдела кадров.

– Мы его оформили на полставки дежурным кладовщиком, – бесстрастно сообщила Машенька. – Личное заявление с вашей визой.

– Так вот для чего ты мне всё это подсунул! – прорычал Шунбром.

На Ламермура было жалко смотреть:

– Это… это какая-то ошибка… – пролепетал он, – Я просто не знал, для чего им всё это было нужно…

– Поздравляю! – загоготал мой папаша. – Отныне нашим президентом станет шестиногий моллюск с мозгами годовалого младенца.

– Черта с два! – возмутился директор. Я сейчас же подам жалобу! Я этого так не оставлю. Я не допущу никаких таких

выборов!

Не знаю, кто первым свистнул. Наверное, бездельник Фрай. Спустя секунду опешившего, растерянного консула провожал оглушительный свист и улюлюканье всего человеческого населения планеты. Согнувшись под тяжкой ношей людского презрения, консул добрел до дверей, потом повернулся и закричал:

– Свистите! Громче свистите, балбесы! И шлите петиции! И телеграммы с протестами! И устраивайте демонстрации! А знаете, чем всё это кончится? Тем, что через месяц к вам сюда пришлют роту солдат и назначат какого-нибудь остолопа управителем. Неужели вы думаете, что Интерспейс выпустит из рук вашу бесценную планету, этот ценнейший склад стратегического сырья, расположенный в таком географически удобном месте? Или вам неизвестно, что президент планеты имеет право устанавливать и снижать налоги, брать кредиты в Банке Развития, требовать льгот и привилегий в Интерспейсе? Что ж, изберите кого-нибудь из своих, какого-нибудь лаборанта или техника и отдайте ему всю полноту своей власти. Я посмотрю потом, с каким видом вы, профессор, и вы, директор, придете к нему на поклон просить дополнительных ассигнований. А вы придете, потому что он станет вашим правителем. А если вы ему не понравитесь, он вас уволит. Да, уволит! Как вы не понимаете, что нам предложили идеальный вариант – избрать великолепного президента, который никому не будет мешать, будет пастись себе целыми

днями на лужайке, не спрашивая подпишет любой ваш документ, а главное, никому не будет отравлять жизнь интригами и пустопорожними советами! – он обвел пристальным взглядом притихшую залу. – Сверху нам рекомендовали избрать шестинога. И правильно порекомендовали. Вы вольны не прислушиваться к их рекомендациям. Но учтите, что там, – он выразительно ткнул пальцем в потолок, – очень не любят самодеятельности. И через месяц-другой сюда нагрянут проверки и ревизии, наблюдатели и комиссии, которые, может быть, и не найдут у вас тут ничего предосудительного, но сделают всё для того, чтобы найти. И уж наверняка многие из вас после визита не сохранят за собой своего поста. Подумайте эту ночь. И учтите, что мы не имеем права тянуть с выборами. От лица Интерспейса я еще раз предлагаю вам кандидатом на пост президента Этого-С-Прозеленью. Завтра вы проголосуете либо за него, либо… против самих себя! Эдди, Конни, за мной!…

И мы поплелись следом за ним готовить все для голосования. Всю ночь я сколачивал урны, а Конни печатала бюллетени. Ламермур корпел над воззванием к народу от лица будущего президента. А в поселке продолжались танцы, искрился фейерверк, задуманный консулом, который так и не смог на него посмотреть. Наутро я поехал развозить бюллетени. Ну и наслушался же я выражений в свой адрес. Самым приличным из них было «зеленка вонючая». Стыдно сказать, что делали с нашими бюллетенями.

Весь следующий день мы с Бустом просидели возле урн на веранде, ожидая избирателей. Но никто не подошел. Люди проходили мимо, посвистывая, отпускали обидные словечки, Конни сидела в дальней комнате и не показывалась. К концу дня приехали Шунбром, Гольц и Сигельский. Ламермур пригласил их в дом, но выйти они отказались и разговаривали из вездехода.

– Слушайте, консул, – заявил Шунбром. – Вот вам наше последнее слово. Мы поговорили с народом. Конечно, всем нам глубоко наплевать на вашего президента. Своего мы пока, не можем предложить, а человека со стороны нам не надо. Поэтому считайте сегодняшние выборы молчаливым одобрением кандидатуры Интерспейса. Пихайте в ваш ящик столько бумажек сколько вам вздумается, назначайте вашего головоногого друга президентом, императором или папой филумбриджийским, лишь бы он сидел себе смирно и не совал нос в наши дела. Согласны?

Ламермур усмехнулся.

– Мне-то все равно. Но президенту необходим штат. Как минимум вице-президент и секретарь. Этих вы можете назначить по своему усмотрению, как и суд, министров и состав правительства.

Шунбром повеселел:

– Берите в вице-президенты моего Гольца. Одним бездельником у меня меньше станет.

Гольц смущенно заулыбался. Мне все время не нравился

этот плюгавый типчик с вороватой улыбкой.

– А оклад? – еле слышно вопросил он.

– Не меньше восьми сотен, – уверенно заявил консул.

– Ого! – рявкнул Шунбром и, стукнул Гольца по плечу, отчего тот провалился под сиденье. – Этак ты и меня переплюнешь.

– Но госсекретаря мы назначим кого-нибудь из штата нашего института, – безапеляционно заявил профессор. – Скажем, мою секретаршу Басеньку. Нам необходимо иметь своего человека при особе президента. Она милая и скромная девушка, в институт готовится…

– Предлагаю пройти в консульство и всё обсудить подробнее. – Ламермур встал и сделал широкий жест, приглашая их в дом. Провожая их в дверь, он выразительно подмигнул мне. И я поспешил в ресторанчик, откуда возвратился сгибаясь под тяжестью двух десятков бутылей без наклеек, которые всегда держали там для нас.

Обсуждение продлилось до глубокой ночи. Было решено испросить у метрополии фонды для строительства президентского дворца, а под них отгрохать бассейн с саунами и концертный зал, заказать новые вездеходы, мебель, канцелярское оборудование, хороший вычислительный центр, наладить регулярное пассажирское сообщение между Центром и Филумбриджем, заказать новые лаборатории, начать строительство нового корпуса института… Планов было хоть отбавляй и все – один другого прекраснее.

* * *

Далеко за полночь, когда мы проводили гостей, я проходя через гостиную, столкнулся с Конни. Глаза девушки были заплаканы. При виде меня она отвернулась.

– Что случилось? – спросил я, слегка трезвея. – Вы чем-то расстроены?

– И не я одна! – гневно ответила она. – Кому вы хотите замазать глаза этой жалкой пародией на демократию? Ведь на этой планете кроме драбаданов есть и другие племена, которым их господство вовсе не так приятно. И люди на этой планете только гости, ко очень нахальные и самоуверенные.

– Ах, Конни, – ну о чем вы говорите! – рассмеялся я. – При чем здесь демократия и всякие такие выспренные слова. Всё это мелочи по сравнению с той прекрасной жизнью, которая у нас теперь начнется. И, вообще, выходите за меня замуж! – я был настолько поражен и восхищен собственной смелостью, что готов был тут же ее поцеловать, что и попытался сделать, но звонкая пощечина совершенно протрезвила меня,

– Новую жизнь никогда не начинают с обмана! – зло выкрикнула она мне в лицо. – И я никогда не соглашусь сменить свою фамилию на вашу, мистер Того-с, или Тотс, или Как-Вас-Там-с, потому, что она принадлежит недоучившемуся бездельнику, лжецу и пьянице!.. – и девушка вышла из

комнаты, шваркнув дверью так, что люстра заходила ходуном.

* * *

На следующий день, проспавшись, мы с Ламермуром вновь нагрузили вездеход подарками и отправились на розыски драбаданов. На этот раз они кочевали в районе болот. Когда мы выбрались из трясины на более или менее твердое и сухое место, Ламермур ознакомил Вождя с результатами выборов. А потом мне пришлось объяснять Вождю смысл слова «президент». Как только он уяснил себе это, он поднял такой шум, что мне показалось, будто череп мой вот-вот расколется надвое от интенсивного потока самых отрицательных эмоций и наиболее уничижительных мыслеобразов, которые трудно было выразить словами, но чести в них было мало.

«Только вы, косоротые недогубки, недомерки бездвуощущальные, – яростно телепатировал Вождь, – бледномордые двуходульные и хлипкоголовые бестолочи могли назначить Верховным Вождем Мира этого недотепу! Или вам мало нашей земли и ртути, которую вы столь ненасытно поглощаете? Или мало вам равнин которые мы отдали вам, чтобы туда могли садиться ваши смердящие и пламенем полыхающие повозки? Много-много лун пытались наши племена избрать себе вождя и всякий раз это заканчивалось мордобоем. А в

прошлый раз, когда мы предложили в вожди мою покойную отцемать, нас и вовсе изгнали с планеты. Это было хорошим уроком для драбаданов и с тех пор как мы возвратились, мы тихонько сидели себе и ни с кем не связывались. Теперь вы что же, хотите опять ввергнуть нас в войну с соседями? Да вы представляете, что будет, если рыжеболотники или вулканщики узнают, что вы самовольно назначили одного из наших вождем? Да они в порошок нас сотрут и развеют в пространстве!»

– Пусть только попробуют! – заорал Ламермур. – Вся галактическая мощь Интерспейса и три космических флота будут охранять ваше племя. А кроме того, это великая часть для твоего племени, Вождь. Вы даже не представляете себе, какие вы только получите привилегии!

Эти доводы не убедили старого Вождя. Он еще долго возмущался, а потом набросился на Этого-С-Прозеленью и отхлестал его выдернутым из земли деревцем, так что тот с воплями удрал в чащу. Возвращались мы подавленные. Буст по пути набросал текст прошения об отставке, а я с тоской размышлял, что после их отъезда я навеки лишусь надежды найти материальный объект для воспевания в моих поэмах. По въезде в посёлок наш вездеход окружили ребятишки. Они свистели нам вслед и распевали нечто вроде: «Его превосходительство сидит на представительстве!..»

Спустя минуту нам стана ясна причина их ликования. На крыльце консульства сидел Этот-С-Прозеленью и уныло

прихлебывал из блюдечка соляную кислоту, а рядом стояла Конни и гладила его по воздушному мешку, который она, очевидно принимала за голову. Но она ошибалась, так как мозг у филумбриджийцев находится совсем в другом месте, примерно, там же где органы выделения и передвижения. Однако, нашему новоиспеченному президенту явно льстило столь нежное внимание со стороны могущественных пришельцев.

– Бедненький! – жалостливо сказала девушка, увидев нас. – Он прилетел сюда и… словом, я сразу почувствовала, как он несчастен… Его изгнали из родного племени…

– Может быть, предоставим ему политическое убежище? – съязвил я, глянув на Ламермура. Но тот не поддержал шутливого тона.

– И предоставим! – заявил он. – Неужели ты думаешь, что Интерспейс оставит без защиты бедного юношу, которому оказало такое высокое доверие население планеты?

– Ты, что же, и в самом деле хочешь, чтобы он остался здесь и…

– А ты бы предпочел, чтобы в Галактике разразился грандиозный политический скандал? Если кто-нибудь из репортёров пронюхает, что здесь у нас живет не настоящий президент, то под сомнение будут поставлены и должности остальных президентов, представляешь, что тогда начнется в наших колониях? Да-да, в колониях, чего греха таить, мы – колонизаторы. И этим наше государство ничем не отличается

от остальных членов Интерспейса. Но мы обязаны соблюдать внешние приличия, и потому этот балбес станет у нас самым настоящим президентом, не будь я консулом.

– Но, ведь, он не умеет ни читать, ни писать, ни даже разговаривать по-человечески!

– А ему ничего этого и не потребуется. Достаточно лишь приложить печать на подготовленный секретаршей документ.

Да вы только посмотрите на членов Совета Интерспейса – это же готовые кандидаты в Бедлам. Или вы не знаете, что политикой всегда и везде занимаются лишь отпетые болтуны или круглые дурни, неспособные ни к какой другой нормальной созидательной деятельности? А поглядели бы вы как они рвутся в власти – один объявляет себя мудрейшим судьей, другой, отродясь не вылезавший за пределы своего городка, рекомендуется специалистом по межпланетным отношениям, третий поливает грязью сородичей, лишь бы самому выйти чистеньким. Нет, ребятки, нашему балбесу там самое место. А, ну марш в дом, скотина! – прикрикнул он на нашего президента, который уже справился и кислотой и, теперь, принялся за тарелку.

– Смотри, Бу, – задумчиво сказала Конни. – Хлебнешь ты еще горя с этим «превосходительством».

Но Ламермур пропустил её слова мимо ушей. С этого дня он самолично принялся натаскивать президента в особенностях его будущей службы. Прежде всего для него изготови-

ли особого рода смокинг с четырьмя рукавами, в которые президент научился просовывать свои щупальца. Брюки одевались на нижние две пары щупалец, на которых он вскоре выучился довольно сносно ходить. Ламермур, не скрывая, гордился своим проницательным выбором, ибо в короткое время Этот-С-Прозеленью обучился сидеть на стуле, подавать щупальце, утвердительно или отрицательно покачивать воздушным мешком и рыкать начальственным басом. Каково было мое изумление, когда я услышал, что президент выучился произносить по-человечески, в голос, некоторые междометия, такие, как: «А-а-га!… Хммм… Ну-ну! Так-так…» и несколько менее внятно: «Подумаем… Разберемся…» Лихим росчерком пера он учился чертить на бумаге замысловатые загогулины, долженствовавшие изображать связные надписи или подписи. А вскоре за него взялись и Гольц с Басенькой.

Этот-С~Прозеленью начал свое правление на Филумбридже довольно скромно. Скучая, сидел на совещаниях, все посасывал свеженький аккумулятор да тужился, чтобы не испортить воздух случайной работой своего двигательного аппарата. На всякий случай в зал заседаний ходили в противогазах. Затем за его подписью появились несколько любопытных приказов, благодаря которым и ртутнодобывающий комбинат и филиал института переходили в собственность филумбриджййского народа. Вначале на эти приказы никто не обратил внимания, но вскоре Шунбром и Сигельский вы-

нуждены были посылать свои приказы на визирование к президенту. А тот мог их подписать, а мог и… Тогда только понял Шунбром, какую змею взрастил на груди. А змея в образе Гольца в кратчайшее время прибрала к рукам всю полноту власти и в скором времени распорядилась освободить роскошное заводоуправление комбината для передачи его под президентский дворец. «Через мой труп!» – заорал Шунбром. И стал в должностном отношении абсолютным трупом. Его моментально уволили с уничтожающей характеристикой. Гольц знал все уязвимые места своего бывшего начальника. Когда же Басенька заявила, что подумывает о диссертации, профессор Сигельский с преданным блеском в очах предложил ей свое содействие. Смерив его милостивым взором, девица пообещала подумать о его предложении.

Однажды выйдя из консульства прогуляться, я встретил всё племя драбаданов, которое под предводительством Вождя летело к зданию бывшего заводоуправления. Старик подлетел ко мне и приветствовал меня задиранием щупальца.

– Рад видеть тебя, дружище, – отвечал я ему. – Куда это вы собрались?

– В гости к нашему родственнику, – гордо ответил Вождь. – У него есть для нас хорошие новости. Сегодня у нас будет большой праздник! Приходи и покушай с нами.

Я вежливо отказался и откланялся, а зря, ибо, как вскоре выяснилось, на банкете-то и происходила делёжка мест в но-

вом аппарате управления. В течение какой-то недели все руководители служб, отделов и цехов получили отставку, а на их места были назначены филумбриджийцы. Участи этой не миновали ни Сигельский, ни почтмейстер, ни мой отец. Начальником радиостанции стал друг детства президента, так что попытки связаться с Центром были обречены на провал. Жаловаться было некому. Единственной надеждой наших колонистов стало ожидание «Стормбрейнджера», который вскоре должен был нанести нам свой очередной визит. Теперь ни я, ни Буст, ни Конни не показывали носа за ворота консульства. Ещё бы, ведь, в глазах населения мы и явились основной причиной бедствия.

А количество драбаданов в городке всё увеличивалось. Прежнюю робость и замкнутость туземцев как рукой сняло. Они чувствовали себя полными хозяевами положения. Был издан указ, по которому люди были вынуждены уступать дорогу летящему драбаданину, низко кланяться при виде него и разговаривать исключительно мысленно, ибо звуковая речь нервировала драбадан. Запрещено было включать музыку, кроме драбаданской (о, если бы эти пофыркиванья и пощёлкиванья можно было назвать музыкой), наконец запрещено было проявлять неуважение к драбаданам, прикрываясь от них чужеродными материалами… Это означало, что людям, теперь, будет запрещено пользование противогазами, респираторами и кислородными масками, а, ведь, без них любой человек в ядовитой атмосфере Филумбриджа

непременно отравится. Земляне попытались провести забастовку и демонстрацию протеста, но драбадане живо разогнали их, применив свои газовые мешки и сами в ответ провели марш протеста против притеснения коренного населения. О, этот Гольц был хитрой лисой и поэтому решил подстраховаться против любых возможных последствий. Но всего коварства замыслов этого человека не мог предположить никто.

Однажды на рассвете весь поселок разбудил характерный гул двигателей садящегося звездолета. В скором времени к взлетному полю потянулись все колонисты планеты, многие несли с собой скарб, чемоданы. Никто не желал оставаться на планете ни минуты. Но каково же было наше изумление, когда перед нашими глазами предстал самый настоящий здоровенный звездолётище угольно-черного цвета. С плоскостей его стабилизаторов топорщились кассеты с боевыми ракетами, радужно поблёскивали линзы боевых лазеров. По трапу сошли мрачного вида солдаты в черных развевающихся одеяниях, по которым я сразу узнал хабарийцев, всеми ненавидимую расу космических святош и пиратов, с которыми у планет Интерспейса сохранялось вооруженное до зубов перемирие, ежемесячно нарушаемое кровопролитными провокациями то здесь то там. К их главарю, здоровенному сухопарому детине с яйцеобразным черепом направились в вездеходе Гольц с президентом.

– Ничего не понимаю… – пробормотал Ламермур. – А по-

чему они не пригласили меня? Я, ведь, все-таки консул…

– Дурак ты, а не консул! – заявил оказавшийся рядом мой папаша. – Ты им власть дал, а они ею воспользовались. И продали всех вас оптом и в розницу нашим вратам..

– Что значит, «продали»? – пискнул Ламермур.

– Когда тебя выведут продавать на хабарийский рынок – поймешь! – огрызнулся папаша, сел в свой маленький турболёт, на котором делал обычно облет взлётного поля и поманил меня к себе. Я подошел. Он притянул меня за шею и прошипел: – Чую я, что всё это дурно закончится. Ложись на фюзеляж и крепче цепляйся за фонарь, а постараюсь тебя отсюда вывезти.

– А как же…

Я поискал глазами Конни. Она тоже увидела меня, без слов всё поняла и помахала мне рукой без улыбки. Она знала, что крошечный турболет и двоих-то вынесет с трудом.

– Лети один, – сказал я отцу. – И, ради бога, постарайся что-нибудь сделать!

Мотор турболета затарахтел и он взмыл в воздух. Увидев его, хабарийцы принялись стрелять, но неудачно. Услышав выстрелы, народ стал разбегаться по домам. Ламермур бросился к кораблю.

– Я генеральный консул планет Интерспейса или Лиги Галактических Государств! – выкрикнул он, приблизившись к яйцеголовому. – И требую…

– А я – скромный настоятель Святого Космического Брат-

ства Хабара, – заявил тот, потомупив взор. – Мир вам дети мои! Я принес вам свет любви и благочестия

– Я требую, чтобы ваш корабль немедленно покинул территорию независимой планеты Филумбридж! – с ненавистью во взоре и дрожью в голосе проговорил Ламермур.

– Сын мой, не ты нас сюда пригласил, не тебе с нас требовать, – кротко улыбнулся настоятель. – Мы прибыли сюда по просьбе законного правительства этой страны, правительства, избранного вами же самими. И разве мы можем противиться вполне понятному желанию вашего народа приобщиться к святому таинству Хабара и принять нашу единственно правильную, истинно разумную и строго научную веру в Догматы Вселенского Мрака?

– Но вы не имеете права никому навязывать свою изуверскую веру и свое общество! – пискнул Ламермур. – Я подаю протест. И ещё строгое и самое распоследнее предупреждение. Я требую немедленного выдворения…

– Душа брата моего блуждает в потемках, – с сожалением сообщил настоятель подошедшему к нему офицеру-монаху. – Проводите его в исповедальню. Пусть брат Храпуга подвергнет душу его искусу, а тело – епитимье.

Подхватив Буста, солдаты раскачали его и швырнули в открытый люк звездолета. В следующий раз я увидел его через три дня, когда всё человеческое население нашей колонии погнали на ртутные разработки. Был он бледен, избит и худ невероятно. Бросившись ко мне, он обнял меня и зарыдал.

– Эдди! – простонал он. – Знал бы ты только, что они со мной делали…

– Поделом тебе, проклятый болтун! – сквозь зубы проскрипел Щунбром. – Погоди, попадём мы с тобой на один рудник…

– Какой рудник? – пролепетал Ламермур.

– Нас всех заставили провести фиктивный референдум о передаче планеты хабарийцам сроком на девятьсот девяносто девять лет. Мы все подписали заявления о вступлении в Орден Хабара. Женщины пойдут в Обитель Любви и Милосердия, а мужчины в Братство Освобожденного Труда (и то и другое расположено рудниках).

– И вы подписали? – возмутился он. – Как вы могли!

– Если б ты видел как легко и непринужденно управляются эти молодчики со своими бластерами.

– Понимаю, – поскучнел он. – А куда нас сейчас ведут?

– Какие-то умники из наших решили насолить пришельцам и испортили электростанцию. Но те твёрдо решили не уезжать отсюда, пока не наберут полные трюмы ртути. Так что нас решено использовать вместо тягловой силы.

Всех нас выстроили в одну длинную и унылую вереницу, которая протянулась от рудника до самого трапа звездолета. Потом по веренице медленно поползли пожарные ведерки со ртутью. Люди старались на нее не смотреть, обматывали лица тряпками, щурили глаза, но все прекрасно знали, что каждому из нас к концу дня угрожает серьёзнейшее отрав-

ление.

А рядом в небесной голубизне резвились драбадане. Один из них подлетел ниже и обдал меня теплыми и дружелюбными мыслеволнами.

– Привет, Ниф, – сказал я глянув на него. – Ну, как тебе живется?

«О, прекрасно! – прощебетал мой старый знакомец. – Поздравь меня, я стал папой. Или мамой. Короче, и тем и другим сразу, – он гордо продемонстрировал мне с полдюжины прелестных маленьких каракатиц, гроздью сидевших у основания щупалец.

– Ты тоже можешь всех нас поздравить, – ответил я. – Скоро мы все станем трупами. Половина из нас отправится сегодня же, а те, кто выживет, сгниют на рудниках.

«Но… это же возмутительно! – он сразу все понял, мой добрый старый Ниф-Ниф. – А ведь я тебе ещё тогда говорил, чтобы вы не избирали в свои вожди этого болвана. Да, мне будет очень не хватать тебя, Эдди.»

– А мне тебя, Ниф, – сказал я. – Как подумаю, что тебе предстоит сидеть в клетке вместе со своими детёнышами…

«В какой еще клетке?» – удивлённо возмутился он.

– В очень узкой, маленькой, тесной клетке в каком-нибудь хабарианском монастыре. Неужели ты думаешь, что эти мнимые святоши оставят вас в покое на этой прекрасной планете?

«Но… – он на мгновение опешил, а потом вопросил. –

Надо же что-то делать?»

– Вот именно, – подтвердил я.

И мы стали думать, что же именно мы сможем сделать. Времени у нас было в обрез. Вот-вот должен был приземлиться «Стормбрейнджер». Хабарианцы об этом, конечно, же знали и торопились взлететь, чтобы не влезть в очередной международный конфликт.

* * *

Во второй половине дня объявили перерыв на десять минут. Мы буквально валились с ног от усталости. Вы не представляете себе, что значит целый день передавать друг другу из рук в руки эти ведерки полные ртути, по семь килограммов каждое. Вредное влияние атмосферы планеты начинало сказываться на людях. У некоторых кружилась голова, многих тошнило. Наш врач заявил начальнику конвоя, что, если, не дать людям противоядия и не надеть противогазы, то на следующее утро половина из них погибнет.

– Смерть – это тоже своего рода наслаждение философски заключил начальник конвоя, отрываясь от томика Фомы Кемпийского. – Вы мало изучаете своих древних философов, ибо слишком увлечены мирской суетой. В противном случае вы бы сразу поняли, что смерть есть благо, ибо она единственная даёт полное и совершенное освобождение от всех проблем и сует бытия.

В это время к нам подошел настоятель.

– Проводишь душеспасительные беседы? – прошипел он злобно. – А между тем кто-то из них телепатирует уже битых полчаса. Я всё никак в себя прийти не могу: постоянно перед глазами вертится облик этого голодранца, будь он проклят… Где же он?!

Я поднялся.

– Да, именно он вызывал меня, – подтвердил настоятель. – Подойди сюда, дитя мое и скажи, о чем бы ты хотел попросить меня перед тем, как тебя разрежут на куски тепловым лучом.

– Святой отец, – сказал я подойдя к нему и смирно потупив очи. – Я молю лишь об одном: разрешите нам остаться на планете и предаваться познанию таинств Хабара, так сказать, заочно. Если же вы против этого, то хотя бы благословите меня перед тем, что я хочу совершить.

– Вот это я охотно сделаю, тем более, что совершить тебе остается лишь одно, перейти из бытия в небытие, на что я тебя охотно благословляю…

Я приложился к его тощей кисти и удержал её в своих руках. В тот же миг на нас с неба обрушилась лилово-розовая молния и в следующее мгновение взмыла вверх, унося с собою нас обоих.

– Ваша святость, – сказал я, поудобнее пристегнувшись к Ниф-Нифу, когда он остановился на высоте полукилометра над уровнем планеты. – Примите мои самые искренние

извинения за столь неожиданную смену декораций, но мне срочно потреовалось поговорить с вами наедине.

– Итак, вы решили прибегнуть к шантажу! – мрачно осклабился он. – Старый прием и нередкость затасканный.»

В этот миг Ниф-Ниф чуть ослабил хватку и настоятель с воплем соскользнул вниз.

– Однако несмотря на его тривиальность, свежесть ощущений сохраняется, не так ли? – осведомился я.

– Ваше святейшество, что с вами?! – завопил голос из интеркома. – Где вы?

– Я беседую с этим заблудшим юношей на некоторые богословские темы, – невозмутимо ответствовал настоятель и, скосив на меня злобный взгляд прошипел: – Что еще вам угодно?

– Единожды и навеки забыть о существовании Святого Братства. – без колебаний объявил ему я. – Вы немедленно возвращаете нам все данные референдума, все наши расписки и обязательства, а также цистерну с нашей ртутью и улетаете восвояси. Можете прихватить с собой президента и его заместителя.

– Благодарю, – скривился он. – На такой товар у нас покупателей нет. Однако, не кажется ли вам, что вы требуете слишком много, а взамен предлагаете слишком мало, в сущности почти ничего.

– Больше чем ничего, святой отец, – возразил я, провожая взглядом кружащий вокруг нас гравитолет, ощетинив-

шийся стволами пушек и ракетами. – Во-первых, я возвращаю вам жизнь, а во-вторых из последних сил спасаю вашу репутацию. Но помните, от соединения с вашим богом вас отделяют мгновения… Учтите: один шальной выстрел, и вас буквально отпустят на волю! Скажите вашим монахам, чтобы улетали.

– Убирайтесь вон! – завопил он, судорожно цепляясь за разжавшееся ниф-нифово щупальце. – Вон отсюда! Все на корабль, мерзавцы!

Я с удовлетворением отметил, что слово настоятеля и в самом деле было для пиратов законом. Гравитолет мигом спустился вниз. Офицеры быстро построили своих солдатов-послушников и стройными колоннами потянулись к кораблю. Прошло еще некоторое время, пока я не связался с Шунбромом и не узнал от него все население колонии в полной безопасности. Я уже начал терять терпение, ибо видел на горизонте темные и пегие тучи, которые внушали мне самые мрачные мысли, Наконец звездолет изготовился к старту, оставалось только поднять трап и дать газ. Тогда и я попросил Ниф-Нифа спуститься, что он и сделал с удовольствием (он тоже изрядно устал столь долгое время висеть в облаках). Смерив меня пронизывающим взором, настоятель пообещал, что постарается еще раз встретиться со мной и довести до логического конца наш богословский спор, и отправился восвояси.

Как только он вошел в звездолет и за ним закрылся трап,

корабельные динамики засвистели и затрещали и над полем прокатился озлобленный крик:

– Ничтожный выродок! Ты надеялся, что останешься свидетелем моего унижения? Ты рано радовался! Кто унижает божьего слугу, тот унижает самого Бога, тому нет прощения ни в земной жизни, ни в загробной. Молите же небо о скорой смерти, ибо те громы и молнии небесные, которые днесь обрушатся на вас, суть кара за ваши грехи!

– Ну, сейчас, начнется… – стоявший около меня Шунбром инстинктивно поежился. – Ты бы хоть подстраховался как или…

И началось. Но не у нас, а у них, на корабле. Необъятное поле космодрома вдруг огласили вопли и стенания, ругань и скрежет зубовный, молитвы и проклятия.

– Да, что они, все с ума посходили? – изумился экс-директор.

– Страховка сработала, – отвеагил я. Сердце мое переполнило ликование, ибо я знал, что сейчас из складок настоятелевой хламиды на волю вырвались с десяток миниатюрных каракатиц, которые тут же принялись резвиться, прыгать и кувыркаться, играть в ловитки на звездолете, наполняя его удушливым газом, от которого у благочестивых пиратов полезли на лоб глаза, завязались бантиками уши и обед попросился обратно. И не было от этого газа никакого спасения, кроме одного.

– Вызываю святейшего отца! – сказал я по рации. – Пред-

лагаю вам единственное действенное средство вернуть себе нормальную атмосферу: подняться в безвоздушное пространство и продуть помещения струей чистого кислорода. Люки при этом следует оставить открытыми.

Что святые разбойники и совершили к немалому удовольствию всех присутствующих. Старт звездолета вся колония встретила взрывом ликования. А тем временем сгущавшиеся на горизонте тучи приблизились и мы увидели летящие стройными рядами роты вулканщиков, батальоны ржаноболотников и полки чащобников. А потом они стали пикировать вниз и мы увидели, что впереди них на своем турболетике летит мой папаша и показывает мне кулак с оттопыренным большим пальцем.

– Все в порядке, сынок, – заявил он, приземлившись. – Эти ребята согласились помочь нам, но при одном условии, что мы поможем им смонтировать геотермальную станцию.

– И приобрести звездолет, – добавил подлетевший к нам угольно-черный с лоснящейся кожей вулканщик.

– Вам – звездолет? – изумились мы с Шунбромом. Не столько тому, что услышали, сколько тому, что это было произнесено на довольно сносном интерлинге, правда, с некоторым обилием дифтонгов.

– Конечно, – подтвердил вулканщик. – Неужели, вы думаете, нам не холодно в открытом космосе без ничего?

– Так, значит, вы умеете управлять звездолетами?

– Наши корабли не столь примитивны как ваши, но и на

ваших можно добраться до родных мест.

– А как же Филумбридж?

– Наши дети полетели сюда на экскурсию, но случайно отбились от группы, потерпели крушение и как ведите, до сих пор не в силах были ничего предпринять. Нам пришлось ждать, пока они повзрослеют.

– Но почему же вы сразу не открылись людям? Мы бы с радостью.

– С радостью? – иронически переспросил вулканщик. – Да вы с такой алчностью набросились на эту ртуть, что позволили себе заморочить голову самым смешным и ничтожным драбаданам. Ну, мы, естественно, и решили, что и вы из их числа,,

– Простите, – влез в разговор медленно приходящий в себя Ламермур. – Из чьего числа? Кто такие у вас драбаданы?

– Видите ли, – с возможной мягкостью объяснил ему вулканщик. – На экскурсию в этот сектор галактики отправились несколько групп из различных школ. Так вот, драбаданы – учащиеся спецшколы…

– Не может быть! – завопил Ламермур, ежась под уничтожающими взглядами окружающих.

– Неужели нормальные люди, будучи в здравом уме и твердой памяти, станут заявлять об исключительности своего народа перед другими? – и под взглядом больших, округлых изжелта-багровых глаз вулканщика все присутствующие понурили головы.

Тем временем приглашенные моим папашей племена одним могучим ударом стукнули по драбаданам так, что те бросили и поселок, и прикарманенные ими аккумуляторы, и помчались в дальние леса и долго оглашали окрестности своими стенаниями. Всё это произошло настолько быстро, что когда Ниф-Ниф вернулся из стратосферы, где он заботливо собирал своих чад (все до единого успели удрать с проветриваемого звездолета), – он обнаружил, что остался последним драбаданином в городе. Но я его в обиду не дал, предложил поселиться у себя и с той поры и по сей день он проживает в моем палисаднике.

* * *

На следующий день в консульстве собрались лучшие люди города, руководители комбината и лабораторий, ученые и производственники; собрались, чтобы поглядеть Ламермуру в глаза и обсудить восстановление нормальной жизни в поселке и на планете. К моему другу вернулась былая самоуверенность. Он не отрицал своей вины, но и не посыпал главу пеплом. То, что филумбриджийцы сами оказались пришельцами на планете и не предъявляли на нее никаких претензий, по его словам оказалось громадной удачей.

– Только ненадо раздувать шум из этой дурацкой истории с хабарийцами! – нервно восклицал он. – Если бы вы знали, какое сейчас напряженное внешнеполитическое положение

у планет Интерспейса… В конце концов никто ведь не пострадал кроме меня, так что будем считать, что я уже понес заслуженное наказание.

– А Гольц с Баськой?! – рявкнул Шунбром. – Это они Зеленому мозги набекрень скрутили!

– Ах оставьте, – поморщился Сигельский. – Увольте своего зама за развал работы, а я свою секретаршу – за аморальное поведение – вот и будет им вечная кара по гроб жизни. Меня волнует другое: как нам быть со статусом независимой территории?

– Его нам ни в коем случае терять нельзя! – зашумели собравшиеся.

– В конце концов в независимом государстве такие дела можно творить…

– Одни уже натворили.

– Так то ж нелюди.

– А люди, думаешь, лучше?

– Надо избрать президентом человека, в котором каждый из нас до конца уверен.

– А у нас есть такие люди? Покажи мне!

– Во всяком случае я знаю человека в чьей отваге, честности и порядочности я совершенно не сомневаюсь, – заявил Сигельский и поглядел на меня.

– Ого, да за этого парня весь комбинат, как один отдаст голоса! – воскликнул Щунбром и стукнул меня по плечу.

Я встретился взглядом с Конни и, смутившись, опустил

голову.

– Все это прекрасно, – вежливо, но твердо заявил Ламермур, – но не забывайте, что у нас не так давно уже были выборы. И избирать нового человека при всем моем уважении к моему другу Эдди Тотсу нельзя, пока жив старый президент. В противном случае это будет расценено как мятеж, переворот, бунт… Ведь данные на него уже отправлены в метрополию и там прекрасно знают, что президентом планеты Филумбридж нами единоглавно избран Этот-С-Прозеленью…

– «Брюнет тридцати лет, – дрогнувшим от волнения голосом произнесла Конни, – коренной житель Филумбриджа, холостой, среднее, из рабочих… с брюшком…» – при этих словах она зарделась и потупила взгляд.

– Но, ведь, он человек! – воскликнул Ламермур.

– А, где написано, что коренным жителем Филумбриджа должен быть обязательно шестиног? – возразил Шунбром. – Тем более, как выяснилось, они тут существа пришлые. Какое им дело до наших проблем? А этот-с… Вернее я хотел сказать, Тотс прозелень… тьфу ты! Что я говорю? Я хотел сказать, наш Тотс, Эдди Тотс, а вовсе не… Братцы! – замогильным шепотом произнес он. – Ведь у них даже фамилии совпадают, Эдвард Тотс и… нехватает лишь маленькой приставочки, дописки в паспорте…

Все взоры обратились на меня.

– Нет, – сказал я твердо. – Я не позволю пачкать свой паспорт этой гнусной приставкой. Да, я Тотс, но никакой не

Прозеленью! Вам ясно?

– Мне ясно, – встрял тут мой папаша. – Мне абсолютно ясно, что ты круглый дурак. А я лично давно хотел получить какую-нибудь фамилию поцветистее. Александр Павлович Тотс-Прозеленью. И ты, паршивец этакий, тоже автоматически позеленеешь, если не хочешь, чтобы я тебя проклял!

– Нет! – воскликнул я в отчаянии. – Никогда, вы слышите? Никогда не соглашусь я носить эту отвратительную, эту ужасную фамилию!… – и бросился к двери.

– Постойте, Эдди! – хрустальный голосок Конни зазвенел мне вослед. – А что, если… кто-нибудь… разделит с вами часть этой тяжелой ноши и тоже возьмет себе её… я имею ввиду эту фа… фамилию…

– Тогда… – пробормотал я, делая шаг к ней, – тогда я, конечно, постараюсь к ней привыкнуть… хоть это, конечно, будет нелегко…

– … С тех пор, – заключил свой рассказ наш новый знакомец, – прошло уже свыше тридцати лет, у нас трое детей и пятеро внуков, но ни я, ни Конни так и не смогли привыкнуть к этой дурацкой фамилии. Сами понимаете, простым смертным легче сменить фамилию, чем нам, политикам. Эта дурацкая кличка уже сидит во всех официальных протоколах и договорах…

– Силы небесные! – воскликнул Акакий Евграфович Бор-

зой. – Уж не хотите ли вы сказать, что были избраны президентом планеты?

– Что значит «был»? – удивился тот. – Я и сейчас… э-э-э…

Но в этот самый момент в коридоре послышался оживленный разговор, цокот каблуков и на пороге Хрычевни показалась собственной персоной, сверкая своей сногсшибательной красотой, секретарша заведующего Базой, Марья Антоновна, прозванная в народе за стать свою и царственное величие Марией Антуанеттой. Она грозно повела очами, наморщила носик от застарелого табачного смрада и, чуть завидев нашего рассказчика, умильно улыбнулась и сложила руки на своей царственной груди.

– Ах, ваше превосходительство, – прощебетала она пленительным контральто. – Мы уж с ног сбились, вас разыскивая. Прилетел! – торжественным шепотом сообщила она.

Услышав это, Тот-С-Проеленью вскочил, обвел всех сидящих сияющим, увлажненным взором и поспешил прочь, впопыхах забыв даже попрощаться. После его ухода в Старой Хрычевне надолго воцарилось молчание, пока старый дядя Афлатун не шваркнул в сердцах по столу костяшками домино и не пробурчал, перемешивая их с остальными:

– Я с первой минуты понял, что человечишко этот – никчемный. Да и какой от нее прок, от политики?

Баку, 1980–1989 гг.

Прощай, Амазония!

В ночь на 30 декабря 23…года в Старой Хрычевне было на удивление тихо и пусто. Как всегда, на праздники ввели усиленное дежурство, и наши старички, пожарные, электрики и коменданты, неторопливо бродили по этажам, придирчиво потягивая носами воздух у распределительных щитов и гася свет в коридорах. А в укромном уголке, в самом дальнем тупике сорок седьмого яруса, лениво шлепали в нарды некогда бравый командор Афлатун с дядей Рафиком, на не клеился «козёл» у Фишера, Брокса и Саввы Грохотова. Они позвали меня четвертым, но не будучи искушенным в этой древней, мудрой игре, я счел за лучшее отказаться. И правильно сделал.

* * *

Спустя минут пять игра умерла сама собой. Дядя Рафик угрюмо, грохотом захлопнул доску, присовокупив, что «только дурак на собачь кость надеяться будет». Афлатун саркастически улыбался. В Старой Хрычевне воцарилось молчание, которое было, как правило, преддверием интереснейших бесед. И тогда-то из дальнего угла послышался глухой, скрипучий голос:

Послышалось мне, что кто-то из вас говорил здесь о командоре Вильдане…

Это прошамкал внезапно пробудившийся дедушка Бахрам, обведя публику тусклым взглядом подслеповатых глаз.

– Я знавал командора Вильдана, – добавил он с многозначительной улыбкой.

Старики заулыбались и принялись подталкивать друг друга локтями. И я понял, что мне необычайно повезло. Обычно дедушка Бахрам являлся в Хрычевню раньше всех, закуривал безникотиновую сигаретку на длинном резном, слоновой кости мундштуке и дремал без просыпу до самого отбоя, не пробуждаясь даже тогда, когда прикуривал новую сигаретку от догоревшей. Говорили, что он знает одну-единственную сногсшибательную историю, которую рассказывает раз в году, когда просыпается. И всякий раз по-новому,

– Да, я летал с командором Вильданом целых полтора года на знаменитой «Черной Черепахе» – продолжал дедушка Бахрам. – И клянусь вот этим тюбиком хлебной пасты, что ни разу более твердая рука не ложилась на тумблеры пульта управления, и под броней фул-дефензового скафандра не билось более благородного сердца, чем его. Мы видели фиолетовый ужас Лагонда и безумие Черной дыры Н-25, удирали от болидного потока Диоскуров и вместе бродили по сказочным садам Амазонии…

– Опять он завел про свою Амазонию! – скрипнул зубами

Афлатун.

– Оставь, старина, – остановил его Фишер. – Пускай почешет язык. Молодой человек ведь еще не слышал этой истории?

– С удовольствием послушаю. – сказал я. – Тем более, что я впервые слышу об этой планете.

– Не удивительно, – сказал дедушка Бахрам. – О ней, смею надеяться, вообще никто не знает, кроме нас троих. Но мы поклялись хранить страшную тайну. Так что, если кто на неё и наткнется, то по чистой случайности…

– О, Амазония, сказочный мир! – мечтательно вздохнул старик, воздевая к потолку внезапно оживившиеся глаза, и на лице его заиграла тихая улыбка. – Мы полюбили эту планету, едва лишь разглядев ее в телескоп. Она повисла так хорошо и ладно, совсем как румяное яблочко на ветке, на орбите одной звезды класса…хм-хм-гхым… а вращалась она аккуратно и легко, словно расписной шарик на елочке, закрученный шаловливым малышом. Она была голуба и свежа, как сама юность. Спектрометры и анализаторы показали на ней райские климатические условия и кислородную атмосферу. Мы было собрались отстучать на базу победный рапорт, но обнаружили, что звезда нас экранирует, а потому решили не торопиться и поосновательнее всё обследовать. Времени у нас было предостаточно.

* * *

Наша флай-база «Полар» действовала в составе экспедиции Оскара Капрэмона, а «Черная черепаха» была одним из двадцати двух мини-кораблей с радиусом действия в два световых месяца, которые несла на себе «Полар». Сказать, по совести, и флай-база и ЧЧ прекрасно могли бы обойтись без человеческого вмешательства. Это были великолепно отлаженные кибернетические устройства с четкой программой действий. Нам говорили: «Эй, ребята, обнюхайте-ка вон те звездочки Файн и Би и поставьте маячок перед черной дыркой», – и мы отправлялись на ЧЧ и садились за «козла», время от времени поглядывая на экран. Все остальное ЧЧ преспокойно делала без нас. Впрочем, для удовлетворения нашего любопытства, ЧЧ могла совершать посадку на планеты, но оставалась на ней не более двух суток, а затем взлетала, не взирая на то, успевал или нет экипаж вернуться с последней прогулки.

– А если космонавты заблудятся или…

– Ничего страшного! – отмахнулся старик. – Фул-дефензовые скафандры рассчитаны на семь суток автономии. За это время «Черепаха» два раза успела бы слетать на флай-базу и вернуться с подмогой. Эта предосторожность спасла десятки жизней и погубила только одну… – он тягостно вздохнул и продолжил свой рассказ.

– Уже на подходе к планете сквозь разрывы облаков мы увидели разбросанные среди океана двенадцать островов-материков и уйму островков помельче. На этих островах цвели сады и желтели аккуратные квадратики полей, мигали огоньки городов и курились трубы заводов. Мы приняли решение приземлиться на опушке леса неподалеку от одного крупного города и попытаться установить контакт с аборигенами.

Сели мы очень аккуратно и сожгли поляну в радиусе не более полукилометра. Но и это выжженное дымящееся пятно посреди зеленого цветущего луга казалось кощунством, кляксой на прекрасном холсте работы гениального живописца.

Три часа мы проводили анализы и вскоре убедились, что никогда еще мать-Природа не создавала мира, более пригодного для человеческого организма, за исключением разве что нашей прародительницы Земли на самой заре творения.

И в тот же день на нашем вездеходе, за округлую форму прозванном нами «черепашкой», мы с командором выехали на встречу с туземцами. На корабле мы оставили лишь одного нашего бортмеханика Метьюза. Командор категорически запретил ему покидать корабль и самолично задраил люки, предварительно настроив их на частоту наших голосов.

Наша «черепашка» шустро семенила по поляне. Мы доверили ей выбирать дорогу, а сами с восторгом смотрели на расстилающиеся вокруг нас пейзажи, достойные кисти Ле-

витана или Шишкина. По всем параметрам, на планете стояло лето. Мягко шелестели дубравы, за ними колосились пшеничные поля. У меня защипало в глазах. Ведь до той поры я только на картинках видел, как растет хлеб.

Мы проехали около полутора километров по проселочной дороге и вдруг… выехав за поворот увидели невысокого роста животное серого цвета с вытянутой мордой и длинными торчащими вверх ушами. Оно было привязано к деревянной повозке. А в повозке сидела молодая женщина. Безумно красивая, с пышными, светлыми, раскинутыми по плечам волосами в свободном легкой платье бежевого цвета. Она смотрела на нас чуть прищурившись и казалось, что во взгляде ее есть и тихая грусть, и немой вопрос, и затаённая тревога, словом, всё, кроме особенного интереса. Право же, мне стало как-то не по себе от этого взгляда и от всего облика туземки. Ведь мы готовы били встретить в этих дебрях галактики любую форму жизни, кроме гуманоидной.

Молчание длилось около двух минут. Наконец командор взялся за крышку люка.

– У нее под сиденьем бластер, – предупредил я

– И у тех, что сидят в засаде – тоже, – ответил он и спрыгнул на землю. Постояв с полминуты у Черепашки, он двинулся к туземцам. Серое животное фыркнуло и попятилось. Памятуя, что «в космосе нас ждет неведомое», я взял туземцев на прицел гравипушки.

– Здравствуйте, – сказал командор, приблизившись. – Мы

– посланцы планеты Земля.

– Здравствуйте, – ответила женщина. – Мы рады видеть вас на нашей Земле.

Да, мы ожидали услышать какие угодно звуки, кроме этого мелодичного голоса, отвечающего нам на прекрасном эсперанто.

– Мы случайно наткнулись на вашу планету и решили исследовать ее, – сказал командор. – Мы и не подозревали, что здесь может быть наша колония.

– Это не ваша колония, – возразила женщина. – Уже долгие годы мы не имеем связи с Землей. Да, признаться, и не стремимся к этому.

– Земля никогда не забывает своих питомцев. Если вам нужна какая-либо помощь.

– Нам не нужно никакой помощи.

– Или поддержка…

– От Земли нам не нужно ни помощи, ни поддержки, ни содействия в каких бы то ни было областях, – с чарующей улыбкой сообщила женщина. – Мы также не испытываем потребности в торговле с Землей, обмене послами или же делегациями. Если нам что-либо от вас потребуется, мы прилетим к вам сами.

– В таком случае, – сказал обескураженный командор, – разрешите откланяться.

Женщина рассмеялась.

– Куда вы так торопитесь? Раз уж вы пожаловали в гости

– так милости просим. Снимайте вашу кастрюлю и садитесь поудобнее. Совет планеты хочет с вами познакомиться.

Командор отвинтил гермошлем и забрался на повозку.

– Для вашего спутника здесь тоже места хватит.

– К сожалению, мой друг не может покинуть машину, – ответил командор.

– Без вашего приказа?

– Без моего приказа.

– Так отдайте же этот приказ.

– А вот этого сделать я, увы, не имею права.

Он примостился на повозке рядом с туземкой, и животное двинулось по дороге. Мы с «черепашкой» последовали за ними. Как позже я узнал, этих животных называли «ослами». Использовались они, в основном, для транспортных работ. Вскоре я увидел на полях работающие комбайны. Над нашими головами па приличной высоте прогудел реактивный самолет.

Вскоре из ближнего лесочка навстречу нам вынеслось стадо животных, смахивающих на осла, но более крупных размеров. Как я позже узнал, их называли то лошадями, то конями, хоть в чем разница между тем и другим термином я так и не понял. Верхом на лошадях скакали девушки в легких развевающихся платьях. Они шутили, смеялись, строили мне глазки и подталкивали друг-дружку локтями, хихикая над едущей впереди парочкой. Командор почесал в затылке. Это был условный сигнал. Я привел в боевую готов-

ность плазмо-базуку и инфразвуковой излучатель.

А командор между тем мирно беседовал о том о сём со своей прекрасной спутницей. Я прекрасно слышал их разговор.

Ее звали Вендой. Рассказала она, что с Земли ее предки переселились давным-давно. Что они вполне довольны планетой. Что диких зверей в их местах нет. Что иногда в морях попадаются спруторакы и большие хищные рыбы, но они с этим зверьем успешно справляются. Что основное занятие населения – сельская промышленность и легкое хозяйство. Или наоборот – уже не помню. Рассказала, что у них единое правительство, что войн они не знают, что проблемы свои решают мирным путем. Командор, в свою очередь, рассказал ей о системе Интерспейса, объединяющей двадцатимиллиардное человечество. О гнусных происках Союза Независимых Планет, которые пытаются внести раздор в наши отношения с негуманоидами. Осведомился он, между прочим и грахаках, но Венда сказала, что инопланетные агрессоры их до сих пор не беспокоили.

Вскоре мы въехали в пригород. Улицы были пустынными, но каждым своим нервом я ощущал, что из-за оконных занавесей за нами наблюдают сотни пытливых глаз.

Между тем, наш эскорт всё увеличивался, и вскоре численность всадниц достигла ста двадцати трех человек, а под просторными свободными одеяниями четко угадывались контуры лазерных карабинов. Сделав легкую флюоро-

графию, я сообщил об этом командору. Легким кивком он дал мне знать, что в курсе дела. Затем он повернулся и, подмигнув, с улыбкой помахал мне рукой. Я связался с Метьюзом и велел ему быть готовым к взлету в любую минуту.

– Уже? – пробормотал тот, как будто спросоня. – А чего так скоро?

– Нам не нравится воздух здешних мест, – пояснил я. – Уж чересчур он напоен ароматами фиалок и жасмина.

Вскоре мы въехали во двор мрачноватого приземистого здания. У массивных деревянных ворот развевалось полотнище флага – на голубом поле двенадцать разноцветных ромашек. Навстречу Венде выбежали две очаровательные девчушки, которые бросились ей на шею, расцеловались с нею, потом, смутившись, сделали книксен перед командором и пригласили его пройти в дом. Они очень огорчились, узнав, что не смогут познакомиться со мною.

– Барри у нас немного угрюмый малый, – извинился за меня командор, – и очень стесняется девушек.

Одна из них подошла к «черепашке» и попросила меня проехать в дальний угол двора, чтобы смогли припарковаться подъезжающие машины. Я проехал на указанное место, пропустив во двор несколько допотопных колесных автомобилей с двигателями внутреннего сгорания. На планете явно, имелась нефть. Это додало планету лакомой приманкой для любого космического хищника. В любом случае Интерспейсу было бы желательно заключить самый тесный союз

с почтенными дамами в роскошных старомодных туалетах, которые выплывали из автомашин и направлялись в резиденцию.

Я сообщил о своих соображениях Метьюзу. Он в свою очередь поведал мне, что минуту назад стадо голливудских кинозвездочек решило попринимать солнечные ванны неподалеку от звездолета. Я попросил его хорошенько отфокусировать телеобъективы и выбросить из головы всякую мысль о том, чтобы помочь им в этом благородном занятии.

Между тем, на экране видно было, что командора провели в устланную коврами залу, в которой полукругом стояли двенадцать кресел. Их заняли приехавшие дамы. Командор, которому не было предложено сесть, остался стоять в центре перед ними. Некоторое время дамы изучали его, затем одна мегера которая не иначе как приходилась дальней родственницей Медузе Горгоне, ворчливо осведомилась:

– И каким же это ветром занесло вас в наши края, молодой человек?

– Мой экипаж послан сюда с научной целью, – ответил командор. – Долгие годы считалось, что радиация вашей звезды губительна для всего живого. Я рад, что могу опровергнуть это мнение.

– Не… могу разделить вашей радости, – поджала губы старуха. – Нас не привлекает мысль стать объектом чьих-либо исследований.

– Сотрудничество таких высокоразвитых цивилизаций,

как ваша и моя, принесет только взаимную пользу. Мы можем оказать вам практическую и безвозмездную помощь во всех областях науки и техники.

– Поразительная щедрость, – ехидно заметила старуха.

– Земля всегда приходила на помощь своим питомцам.

– Даже если питомцы ее об этом не просят. Наши предки давно решили порвать с Землей, и завещали нам не принимать от вас ни помощи, ни подарков.

– Не знаю, чем вам так насолила наша родная планета, – сказал командор. – Сотрудничество с Землей никогда никому ничего дурного не приносило. Наоборот! Мы помогаем становлению и развитию молодых цивилизаций! Мы снабжаем их станками, приборами, транспортом и продовольствием, помогаем им защититься от внешних врагов, примиряем внутренние распри, пытаемся сгладить противоречия…

Гракх Вильдан был уравновешенным немногословным человеком, но иногда, в минуты сильного душевного волнения, его прорывало и он произносил большую, красивую и вдохновенную речь. Слушать его тогда было одним удовольствием. Вот и теперь он яркими красками описал исторический путь развития человечества, рассказал о том, как разрывая путы тяготения, наша цивилизация устремлялась в глубины Галактики, достигала вершин разума и прогресса, как, освободившись от предрассудков, люди создали гармоничное процветающее общество, основным принципом которого являются свобода, равенство и братство всех людей

независимо от достатка, социального происхождения, цвета кожи, возраста…

– И пола… – невозмутимо добавила Венда, скромно стоя в углу.

– Ну разумеется! – подтвердил командор. – Женщины у нас уже давно пользуются равными с мужчинами правами.

– Что?! – поразилась какая-то толстуха. – Вы хотите сказать, что мужчины у вас равны в правах с женщинами?

– Конечно!

Тут поднялось такое возмущение, как если бы он сказал, что женщин на Земле приносят в жертву и поедают на ритуальных праздниках.

– Это неслыханно!

– Возмутительно!

– Какой позор! Может быть, мужчины у вас пользуются и правом голоса?

– Да, но… А почему бы и нет?

– Может быть, им дозволяется и сидеть в присутствии дам?

– Вообще-то признаком хорошего тона считается вставать при появлении женщины…

– Оставьте, юноша, – махнула рукой какая-то мегера, – Этак вы договоритесь до того, что вашим мужчинам разрешено ездить с женщинами в одном общественном транспорте.

– А что здесь такого? – поразился командор. – Конечно,

в давние эпохи женщина была бесправным забитым существом, рабой своего супруга, но в результате долгой и упорной борьбы мы раскрепостили ее и теперь женщины – равноправные члены нашего общества.

Эти слова сопровождались ироничными улыбками хозяек.

– Но ваш-то президент, надеюсь, женщина? – спросила одна.

– Нет, – скрепя сердце признал командор. – Но женщины у нас входят в Высший Государственный Совет.

– Сколько всего человек в Совете?

– Сорок девять.

– Из них женщин?

– Двадцать три, – не сморгнув глазом, соврал командор.

– Меньше половины! Да это настоящая дискриминация!

– Последний вопрос, – подавила всеобщее возмущение Горгона. – Кто командир вашего летательного аппарата? Женщина?!

– Нет. Я, – сознался командор.

Дамы смерили его уничтожающими взглядами.

– Хорошо, – резюмировала старуха, – Окончательное решение мы примем после того, как побеседуем с женщинами, входящими в состав вашего экипажа.

– В моем экипаже нет женщин, – сказал командор, – Мой звездолет входит в отряд «свободного поиска». Это тяжелая и опасная работа. Мы стараемся не подвергать женщин рис-

ку.

– И излившей ответственности, – отметила Венда.

– Я этого не сказал!

– Скажите, чем занимаются женщины в вашем мире?

– Ну… они работают врачами, педагогами, инженерами, учеными, занимаются кибернетикой и… многими разными другими науками… А кроме того э-э-э… воспитывают детей, да! и по традиции ведут домашнее хозяйство. Наши женщины – покровительницы семейного очага…

– Как видите, самая грязная и неблагодарная работа попрежнему достается нам, – резюмировала Венда.

– Увы, почтенный инопланетянин, – заявила Горгона. – Как председатель Федерации островов, я объявляю, что сотрудничество с вашей цивилизацией представляется мне крайне нежелательным. Мы предпочитаем никак не соприкасаться с вашим миром.

– Хорошо, – сказал командор, вздохнув. – Я сообщу о вашем решении в Совет.

– Но ваш Совет, наверное, не примет всерьез это заявление и пошлет к нам еще одну экспедицию.

– Разве что визит дружбы…

– И эта экспедиция будет гораздо представительнее вашей. На огромных, хорошо вооруженных кораблях, которые продемонстрируют нам вашу силу. А что смогут противопоставить вам бедные слабые женщины? Наша независимость досталась нам слишком дорогой ценой, чтобы мы мог-

ли ее отдать так дешево. Вам, дорогие пришельцы, придётся остаться у нас в гостях до тех пор, пока мы не сочтем нужным предоставить вам право на выезд.

– Но это произвол! – возмутился Вильдан. – Это нарушение всех принципов международных…

– Сзади, шеф! – закричал я, увидев за его спиной девицу с лассо. Я дал газ, но в это мгновение площадка, на которой стояла «черепашка» начала проваливаться вниз и… Очнулся я спустя некоторое время, ибо тряхнуло нас так, что я подскочил на кресле и крепко стукнулся головой о крышку люка. Вот что значит пренебрегать ремнями безопасности!

Мы оказались в просторном мрачном помещении с бетонными стенами и полом. В одном углу были свалены канистры и мешки, в другом – какие-то железяки. Очевидно, когда-то это был ангар для вертолета или какого-нибудь другого летательного аппарата. Впереди в стене я заметил маленькую металлическую дверцу и двинул вперед «черепашку».

Но внезапно дверца распахнулась, и фары высветили моего любимого командора. Но в каком он был состоянии!

С него сорвали скафандр и при этом, видно, не поскупились на тумаки, ибо нос его был расквашен, глаз подбит, на щеке виднелась кровоточащая ссадина. Он был без сознания, весь опутанный веревками. Из-за его спины высовывались дула карабинов.

– Выходи немедленно! – закричали мне. – В противном случае он будет убит!

– Метьюз! – крикнул я в микрофон. – Взлетай немедленно! Мы в плену враждебной цивилизации!

– Что? – отозвался наш механик. – Что ты говоришь?!

– Доложишь шефу, что планету населяют гуманоиды с явно выраженным матриархатом и вооружением на уровне двадцать второго века. Торопись!

– Но я не могу взлететь! – завопил он. – Не могу!

– Прекратить разговоры! – закричали воительницы. – Еще секунда и мы убьем вашего командира!

– Никаких секунд! – воскликнул я. – Я сдаюсь!

А что я еще мог сделать? Я прекрасно знал инструкцию. В ней в разделе 15, подпункте 4 было сказано, что «космонавт, подвергшийся нападению со стороны представителей инопланетной цивилизации не должен поддаваться на провокации, попытаться успокоить нападающих; спокойным голосом и дружелюбными жестами попытаться дать им понять, что экспедиция явилась с мирными целями…» и далее в том же духе. Голубой мечтой «поисковиков» было отыскать романтика, составлявшего эту инструкцию и взять его с собой на Альтаир, Денеб или Фомальгаут. Интересно было бы посмотреть, как он растолкует гуманистические принципы нашей цивилизации тролпам, вавеофагам или на худой конец хрюньмерзоидам. Конечно, в другое время я бы задал жару этим амазонкам, но сейчас опасность угрожала жизни человека, которого я любил больше родного брата.

Я дал «черепашке» последние наставления и вылез из лю-

ка. В то же мгновений крышка люка захлопнулась, «черепашка» отъехала и дала предупредительный: залп поверх моей головы.

– Мамзели, я ваш пленник! – сказал я, подбежав к дверце. – Советую не подходить к машине, и упаси вас Бог ее обстреливать. Она работает в режиме «не тронь меня».

– Не волнуйся, дружок, – сказала девушка, деловито связывая мне руки за спиной.

Нас потащили по коридору. В ангаре послышался грохот выстрелов и женские крики.

– Я же предупреждал! – сказал я, но получил прикладом по загривку и замолчал. Воистину, эти женщины давно отвыкли от галантного обращения.

Нас вытащили во двор и бросили в кузов крытого фургона. Машина рванулась с места. Спустя полчаса езды, нас привезли в какой-то дом, и, отведя в подвал, выдали взамен одежды что-то вроде пижам. Затем нас развели по камерам. Строго говоря, это было одно помещение, разделенное решеткой. Такие же решетки заменяли и двери. Но в остальном наши казематы напоминали комнаты отдыха какого-нибудь Офирского миллионера.

Полы были устланы коврами с толстенным ворсом, в углу стоял – столик с телевизором и видеоприставкой, несколько полок с книгами в ярких обложках, бар, забитый батареей бутылок, несколько ящиков с табаком и сигарами, мягчайшие кресла, в которых человек утопал, млея от блаженства,

ну и, разумеется, роскошная кровать с балдахином довершала интерьер. Несколько портил впечатление притулившийся в уголочке унитаз, но и он был изготовлен из розового в цветочек фаянса и деликатно прикрыт вышитыми попонками.

Командор первым делом бросился к сигарам и, обнюхав их, благоговейно прошептал:

– Господи, настоящая «гавана»!..

Книжонки все как на подбор были детективными и фантастическими россказнями трехвековой давности.

– Идиотизм! – пробурчал Вильдан, пыхтя сигарой и отвинчивая пробку у одной из бутылок. – Никогда не думал попасть в такой переплет.

– Осторожно, шеф, – предупредил я, – Там может быть яд.

– Чепуха, – отмахнулся он. – Зачем им нас травить, они и так могут сделать с нами все, что угодно. Барри, а ведь это настоящий пшеничный виски, не чета нашим суррогатам. Однако, сказал он, отложив бутылку в сторону, нам сегодня нужна трезвая голова. Будем пить воду.

Я налил себе. Мы чокнулись через решетку и выпили, закусив отменными шоколадками. Затем приняли еще по одной и уселись в кресла друг напротив друга.

– Ситуация… – пробормотал командор, – До сих пор не могу поверить, что это все не сон. Женская планета! Амазония! Абсурд!

– Почему же, – возразил я, – ведь и наша история знала период матриархата.

– Да, но в допотопные времена. Как и полигамию, как и каннибализм. Культ женщины-матери, как символ плодородия и щедрости Природы был известен всем народам на заре своего развития. Но уже к бронзовому веку он почти повсеместно исчезает. Основную производительную силу любой цивилизации составляли мужчины. Они пахали землю, ковали оружие, воевали, плавали по морям и строили пирамиды. Мужчины открыли Америку, покорили Северный полюс и вышли в космос. И что бы там не говорили о равноправии, все равно испокон веков мужчина убивал мамонта, а женщина его свежевала, мужчина дрался, а женщина его перевязывала, мужчина покорял пространство, а женщина помогала, помогала, именно помогала, Барри, его обживать. И если на этой планете произошло наоборот, то клянусь, что-то здесь было нечисто.

– Вы правы, командор, – послышался женский голос. Мы оглянулись. За дверью стояла Венда. – Вы абсолютно правы, – повторила она. – Тысячи лет наши праматери были покорными рабами, верными помощницами и преданными друзьями мужчин. Но жизнь заставила нас переменить к ним своё отношение. Вы должны понять нас, простить и не обвинять в пресловутом «женском коварстве».

– По-вашему, это не коварство – заманить к себе двух человек которые прибыли к вам с самыми добрыми намерениями, посланцами мира и дружбы от имени своего народа?

– Ну, для парламентеров вы были слишком хорошо во-

оружены, – усмехнулась Венда.

– Но ведь мы не знали, что ждет нас на этой планете, мы были готовы встретиться с тролпами, монстрами с железной шкурой, кибербездушной цивилизацией, но действительность оказалась гораздо хуже любых наших предположений.

– Разве вам не нравятся условия, в которых вас поселили? – непритворно удивилась Венда, – По-моему, здесь есть всё, что нужно мужчине. Уверена, что у себя на родине вы и мечтать не могли обо всем этом.

– Послушайте, неужели вы так уверены, что все наши желания не простираются дальше алкоголя и табака? – возмутился я, – В конце концов, мы свободные люди, полноправные члены нашего общества, наделенные дипломатической неприкосновенностью. Когда прилетит наш товарищ…

– Ваш товарищ скоро ставит вам компанию, – многозначительно улыбнулась Венда.

– Во-первых, я запер его на корабле, – мстительно сказал командор, – феррокарамическую обшивку которого не сможет вскрыть даже атомная бомба. Во-вторых, будет он жив или нет, войдёте вы на корабль или нет, наш звездолет все равно стартует завтра в полдень и ни минутой позже. Искренне советую вам отпустить нас к этому времени. Положитесь на моё честное слово. Я приложу все силы к тому, чтобы оградить вас от ненужных визитёров. В противном случае…

– Вы угрожаете? – холодно спросила Венда.

– Ни в коей мере. Я разъясняю. До нашей базы рукой подать. Нас даже не будут искать: вся информация о нашем визите вплоть до того момента, когда меня огрели дубинкой по башке, уже записана в бортжурнале, который спустя три дня просмотрят на базе. Еще через три дня сюда явится весь дивизион – шестнадцать «малюток», два крейсера и четыре транспорта. А на них прибудут полторы тысячи молодых крепких парней, вооруженных по последнему слову техники. И тогда-то вы, наконец, узнаете, что такое – настоящие мужчины!

– Настоящие мужчины»!? – воскликнула Венда с презрением и ненавистью. Ее губы дрожали, а тонкие ноздри раздувались. В гневе она была еще прекраснее. – «Настоящие мужчины» привезли нас сюда триста лет назад. Они были храбры и отважны, они все как на подбор были красавцы, художники, поэты, романтики. Им и их спутницам надоел ваш бездушный, механизированный мир, где все регламентировано и разложено по полочкам. Их тянула к себе жажда открытий и мечта полного единения с природой. И они отыскали планету-мечту, планету-сказку. Она была как две капли воды похожа на Землю, но климат на ней был намного мягче; всё, что ни было посажено на ней, плодоносило в изобилии. Но землю эту кто-то должен был пахать, засевать и собирать урожай. Увы, наши почтенные прадеды были на это неспособны. Они были творцами. Они творили детей и высокое искусство. Они были асами кисти и пера, но не со-

хи и топора. Женщины наши стали вместо них работать на земле, строить дома и растить детей. А мужчины… мужчины состязались в поэзии и устраивали попойки на вернисажах. Все они были гениями и боялись уступить друг другу хоть крупицу славы. Потомство их было бездарным, но таким же ленивым. А может быть, мы просто избаловали их своей покорностью – не знаю. Но из-за того, что девочек здесь почему-то рождалось чуть больше чем мальчиков, они, эти милые мальчики, вообразили себя избранниками судьбы. Они повелевали, и им это нравилось. Они избрали для себя самую легкую работу. Женщины в поте лица убирали хлеб, а мужчины в таком же поту лица баловались чайком, женщины работали на заводах, а мужчины торговали, женщины строили, воспитывали, детей и вели хозяйство, а мужчины целыми днями смотрели телевизор, увлекались спортом, играли в азартные игры и напивались до бесчувствия. Так женщины стали основной созидательной силой нашего общества. А потом мужчины передрались между собой и чуть не сожгли всю планету. И тогда нам пришлось взять и армии в свои руки, тем более, что большинство солдат также составляли женщины. И что же вы думаете? Кто-нибудь из мужчин стал протестовать, возмущаться, требовать восстановления в правах, работы? Наоборот, они стали просто блаженствовать в «мужчишнях», вроде вашей.

– Этого не может быть! – воскликнул командор. – Мужчина никогда не смирится с неволей, пусть даже с самой бла-

гоустроенной.

– Хорошо, – сказала Венда и отперла двери наших камер, – Идемте, я покажу вам ваших «настоящих мужчин».

Она провела нас по коридору, вывела из подвала и велела сесть в автомобиль. Мы выехали в города. Сейчас его улицы были более населенными. На этих улицах было много женщин. Молодых и старых, высоких и низких, стройных и толстых, хорошеньких и дурнушек. Все они были веселы и оживлены, все занимались своими делами, бродили по городу в эти мягкие вечерние часы, толпились у прилавков, сидели в кафе. Порою кто-то замечал и нас, но смотрели без особенного интереса, как смотрели бы на обезьянок, сидящих на плечах у фокусников.

Мы выехали за город и вскоре остановились у низкого здания без окон с крепкой дверью, забранной засовами. У двери стояли две девушки с карабинами. При виде Венды они взяли «на караул». Венда отперла дверь и провела нас внутрь коридором с мрачными бетонными сводами.

Мы вошли в громадную просторную залу и задохнулись в густом тумане табачного дыма. Внутри царил полумрак и гремела музыка. Когда глаза наши несколько привыкли к темноте, мы обнаружили, что зала уставлена столами, за которыми сидели несколько сотен мужчин. Все они были пьяны вдрызг. Несколько компаний горланили песни, за другими столами ожесточенно играли в карты, кости, спичбол. Какой-то пьяница пытался сделать на столе стойку, с грохо-

том падал и карабкался снова. Работали несколько телевизоров. Один показывал футбольный матч. С остальных экранов гремели выстрелы. Бодро крутились колеса игровых автоматов.

Какой-то оборванец, с трудам поднявшись с пола, кинулся на Венду, но она тренированным движением двинула его по зубам. Он свалился и захрапел. Мы прошли между столами, переступая через тела, плававшие в блевотине и собственных нечистотах, вглядываясь в тупые, обросшие и обрюзгшие физиономии, на которых не было ни единого проблеска мысли или чувства, и вышли наружу потрясенные, не в силах произнести ни единого слова в их оправдание.

Когда мы ехали назад, командор сказал:

– Интересно посмотреть, чем стали бы заниматься женщины, если их собрать в такой вот загон и вдоволь снабдить выпивкой.

– Уж не дошли бы до подобного состояния, можете быть уверены, – ответила Венда.

– Сомневаюсь. Вы сами довели своих благоверных до скотского состояния, а теперь возмущаетесь – ах, какие они нехорошие!

– Да все они только и мечтали о подобном рае.

– Далеко не все, а лишь ничтожная часть! – воскликнул Вильдан. – У нас тоже есть хамы, бездельники и пьяницы, но мы держим их в рамках и не даём распускаться.

– Вот видите, даже вашему сверхгармоничному обществу

приходится с ними бороться.

– Но мы их побеждаем.

– А мы их уже победили и не собираемся сдавать позиций.

– Но, в конце концов, мадам, есть еще одна деликатная функция, с которой женщине не справиться без помощи мужчины, – зло сказал командор. – Я имею ввиду функцию продолжения рода.

Венда рассмеялась легким и, как мне показалось, немного деланным смешком.

– Вас это, как и всех мужчин заботит больше всего. Но наука давно позволяет нам воспроизводить потомство, не прибегая к непосредственным контактам с противоположным полом и поддерживать уровень нашего населения на стабильном, стомиллионном уровне.

– Бедняги! – воскликнул Вильдан, хватаясь за голову.

– Да, вы можете посочувствовать вашим собратьям.

– Да не они! Вы – бедняги! Барри, – повернулся он ко мне, – ты только представь себе – сто миллионов женщин, не знающих и никогда не узнающих мужской ласки!

– Мы прекрасно обходимся, без этого. Подавив в себе низменные инстинкты, наше общество идет по пути прогресса и процве… – заученно затараторила Венда.

– Нет, мадам, вернее, мадемуазель, – покрутил головой командор, – не об инстинктах идет речь. Любовь – это гораздо сложнее. С любовью шутки плохи. Она – дарована людям свыше. Она – единственное, что роднит нас с животным ми-

ром и одновременно возвышает нас над ним. И горе тому, кто отвергнет от себя дар богов. Вы, милые мои амазонки, никогда не узнаете, как колотится сердце при встрече с любимым, вам не дано будет познать пленительную сладость ласк и поцелуев, вам никогда никто не будет посвящать стихов, ради вас никто не станет безумствовать, сходить с ума и рисковать жизнью, вы не познаете мук ревности и ликования победы, единственно достойной для женщины победы – над сердцем любимого. Вы даже не можете себе представить, что вас ожидает – женщин, лишенных любви – озлобленность и ожесточение, склоки, раздражение и взаимные претензии. Да вы уже сейчас ненавидите друг друга. Единственное, что мне непонятно – это откуда вы нашли толпы довольных и улыбающихся женщин – наверное согнали из окрестных деревень… Ну-ну, не гоните так быстро, а то мы во что-нибудь врежемся!..

– Нет, Барри, – тягостно вздохнул командор, когда мы вновь оказались в камерах, – вот уж чего я не мог предположить, так это того, что на старости лет окажусь в этакой вот «мужчишне».

– Человек предполагает, а пси-поле располагает, – философски заметил я. – Раз уж нам нечего делать, то давайте выпьем по стаканчику.

Мой шеф посмотрел на меня недобрым, тяжелым взглядом, от которого мой язык прилип к гортани.

– Я так думаю, малыш, – сурово произнес он, – это я еще

не скоро прикоснусь к этой дряни, которая погубила стольких славных ребят. И дело у нас есть. Начинаем первый этап операции Спасение. Ты когда-нибудь пел?

– В школьном хоре.

– Подойдет. Я начну, а ты подтягивай.

Мы встали к зарешеченным окошечкам и запели. Однако, вскоре командор согнал меня вниз и отругал за то, что я не сказал, какие оценки у меня были по пению. А сам продолжал петь.

Я и не подозревал, что у нашего бравого командора такой приятный, густой баритон с бархатистом оттенком. Кое-где он не дотягивал, кое-где попросту фальшивил. Однако это был первый трезвый мужской голос, раздавшийся на планете за два столетия, и произвел он впечатление на жительниц такое же, какое произвела бы на мух разбитая банк меда.

Они по одной, по двое собирались у изгороди дома и вздыхали, плакали, аплодировали. А Гракх Вильдан, давая первый и последний концерт в своей жизни, пел и пел старинные шлягеры, древние баллады и романсы, в каждом из которых непременно присутствовало слово «любовь».

Примерно через полчаса появился взвод автоматчиц, которые принялись расталкивать толпу, а потом пришла Венда, усталая и взъерошенная.

– Почему вы не хотите вести себя спокойно! – закричала она. – Вы, видно, хотите, чтобы вас связали и заткнули кляпом рты?

– Гораздо проще убить нас. – сказал командор. – Тогда мы успокоимся навеки.

– Позер! – сказала она с презрением.

– А вы– удивительная женщина…

– Болтун!

– У вас прелестный голос!…

– Сумасшедший.

– Красавица!

– Вы это говорите каждой встречной?

– Только тем, кто этого заслуживает. Вы – первая.

– Пошляк.

– Любимая…

– Вы невыносимы! – воскликнула Вендн, отпирая дверь его камеры. – Я вынуждена буду отвести вас в подвал и там запереть.

– Прощай, Барри! – сказал мне командор. – Ей мало того, что она пленила мое сердце. Она хочет еще и похоронить меня в мрачном подземелье. Посвисти им на прощание песенку из телепередачи «Привет, черепашка!»

Они ушли, а я принялся выполнять второй этап операции. Какой борт-радист не сумеет собрать из телевизора и видеоприставки простейший однопрограммный передатчик. Пришлось немного повозиться с пайкой, но в конце концов я скрутил контакты зубами и послал нашей «черепашке» привет.

Она радостно поймала мой импульс и устремилась ко

мне. При необходимости в этом маленьком, полусферическом танке обнаруживалась бешеная энергия. Он был специально создан для среды повышенной агрессивности. Но когда мою «черепашку» называли «машиной» меня просто коробило. Душой мы с ней сроднились что ли? Да-да, что бы вы мне не говорили, а я по сей день убежден, что у «черепашки» была своя неповторимая, добрая и работящая душа. Меня она понимала с полуслова, командора – вежливо слушалась, а Метьюза – совершенно не переносила.

Примерно через полчаса во дворе послышались крики, выстрелы, затем дом содрогнулся раз, другой, стена потрескалась, посыпались кирпичи – и в образовавшемся проеме показалась умная, смышленая мордочка моей «черепашки». Она приветливо мигнула фарами и разинула люк. В следующую минуту показался командор, который нес на руках неистово брыкавшуюся Венду.

– Негодяй! – кричала она. – Так-то вы воспользовались моим доверием?! Такова цена вашим клятвам?

Тогда Вильдан крепко поцеловал ее и сказал:

– Дорогая моя стражница. Клянусь вам, что обожаю вас с того самого момента, как увидел вас. Я люблю вас и буду любить все жизнь.

– Ты сумасшедший! – прошептала Венда и робко попросила: – Поцелуй меня еще раз.

Командор не заставил себя долго упрашивать. «Черепашка» глухо заурчала. Командор двинулся к нам.

– Отпусти меня немедленно! – закричала Венда, – Что ты собираешься делать? – Я буду чувствовать себя чужой и одинокой в вашем мире. Здесь у меня подруги, любимая работа.

– Ты и у нас сможешь найти работу по душе.

– Что я у вас смогу делать?

– Будешь диспетчером в порту.

– Я слишком умна для этого.

– Тогда займешься кибернетикой.

– Я для этого слишком глупа.

– Ты будешь учиться.

– Я для этого слишком стара. И потом, зачем мне переучиваться, когда я люблю свою работу.

– И что это, интересно знать, за работа?

– Я офицер сил безопасности. У меня в подчинении целый отдел.

– Нечего сказать, хорошенькая работка – шпионок ловить.

– Это работа шестого отдела, а мы занимаемся вопросами охраны нравственности. Ну что ты хохочешь как сумасшедший?

Вдоволь насмеявшись, командор сказал:

– Я привезу тебя к себе домой и ты будешь моей женой. Ты будешь любить меня и рожать мне детей. Ты будешь хозяйкой моего дома – и это будет твоей основной работой.

– А ты будешь прилетать ко мне на неделю раз в полгода, одаривать меня своим благосклонным вниманием, и с сожалением глядеть на то как я с годами буду превращаться в ста-

руху. Нет уж, если хочешь жениться – бросай свой дурацкий космос, и будем жить как все люди…

– Бросить космос?! – взревел командор.

У-у-у-у-у! – на нас спикировал реактивный истребитель, и земля ходуном заходила от бомб. «Черепашка» ужом проскользнула сквозь фонтаны вздымающейся земли и, подняв себя воздушной подушкой, стремглав понеслась над полем.

– Гракх, миленький, останься здесь! – умоляла Венда. – Ну, хороший мой, ну пожалуйста! Нам здесь будет так хорошо вдвоём!

– Чтобы меня поместили в этот вертеп для алкоголиков? – воскликнул командор.

– Ну что ты, что ты! Я сама устрою тебе самый прелестный, самый миленький загончик…

– Благодарю покорно, я вам не жеребец!

«Черепашка» вылетела на поляну, где стояла ЧЧ, подкатила к кораблю и встала.

– Дьявол! – пробормотал командор, – Такой подлости я от них не ожидал.

Я, признаться, тоже. Теперь я искренне посочувствовал Метьюзу. Не знаю уж, что предпринял бы я на его месте. Хотя несладко мне было и на своем.

Вокруг ЧЧ были дети.

Их было сотни полторы или две. Карапузы от двух до пяти лет. Мальчики и девочки. Они были заняты своими детскими делами: играли в золе, лепили песочные пироги, го-

нялись за бабочками и друг за дружкой. Увидев «черепашку» они бросились к ней и облепили со всех сторон. Я заглушил мотор.

На экране появилось посеревшее лицо Метьюза.

– Это вы? – спросил он. – Придумайте что-нибудь, командор. А то я уже собрался ломать предохранители.

– Этим ты ничего не добьешься. У ЧЧ характер упрямый. Она все равно взлетит. А ну-ка, Барри, попробуй пугнуть их инфразвуком.

Я попробовал. Детишки, конечно, перепугались, но спасения они начали искать под дюзами корабля. Минут пятнадцать мы пытались выкурить их оттуда, но всё впустую.

– Может быть, возьмем их с собою? – предложил я.

– У нас хватит места для двух-трех десятков – не более. Ну что ты молчишь?! – набросился он на Венду. – Небось ты сама и предложила этот остроумный способ задержать корабль? Но запомни, хотим мы этого или нет, звездолет все равно взлетит через полчаса и кровь этих сопляков падет на твою голову.

Венда заплакала.

А детишки осмелели и вновь полезли на «черепашку».

– Покатайте нас, дяденьки, пожалуйста!

На краю поляны опустился вертолет. Из него вышли почтенные матроны, члены совета.

– Я пойду к ним, – сказала Венда.

– Иди и объясни, что через двадцать семь минут корабль

взлети с нами или без нас. Скажи, что ты полетишь со мной. Если они согласны, то я сохраню тайну планеты. Если же нет, то я остаюсь здесь до прихода наших и организую такую гражданскую войну!…

Она вернулась минут через десять и сказала:

– Нас раскусили, командор. Я остаюсь здесь заложницей. И день когда сюда прилетит еще один ваш звездолет, будет моим последним днем.

– Тогда я остаюсь с тобой.

– А как же они?!

Они висели у нее на шее, карабкались в открытый люк, один из них пробовал мою шевелюру на прочность, другой потянулся к панели управления.

– Значит не судьба? – спросил командор. Она покачала головой.

– Я пойду и скажу им, что ты согласен, ладно?

И вновь потекли, понеслись, помчались минуты нервозного ожидания.

Вскоре появились дамочки в белых халатах и начали строить детей парами, а они держали друг дружку за платьица, как и во всем мире не хотели уходить. Воспитательницы сбивались с ног, пробуя их согнать, но им, видно, здорово понравилось жить на воле, и мы с бессилием видели, что до катастрофы остаются считанные минуты.

И тогда командор распорядился откинуть крышу «черепашки» и закричал:

– А ну, ребятишки, кто хочет прокатиться?

Мы вылезли из нашего вездехода, а в него набилось с полсотни сорванцов, и еще столько же повисли вокруг, и бедная «черепашка» быстро покатилась прочь, покорная моим последним наставлениям. Через полчаса она заблокируется и приступит к самоуничтожению. У меня сердце разрывалось от жалости, а она робко так и вроде утешающе мигнула мне подфарниками, как будто говоря, мол, ничего, старина, всё образуется…

– Откройся! – крикнул командор. От борта отвалился трап, и мы вбежали наверх, обнялись с рыдающим Метьюзом и начали наспех играть на клавиатурах пульта давая подтверждение прибытию. Ведь аварийный взлет без экипажа – это ЧП, а ЧП – это всегда неприятности. Но мы упустили время. Компьютер уже подал запрос на пульт, не получил подтверждения и отдал команду на двигатель. Корабль содрогнулся. Его окупало облако белесого дыма. Мерная дрожь сотрясла корпус.

Вдруг Метьюз заорал что-то непонятное, мы бросили все и увидели в экране внешнего обзора под самым кораблем хрупкую женскую фигурку, которая махала нам белым шарфом и что-то кричала,

– Уходи! – закричал командор так, что его, наверное, можно было бы услышать сквозь броню. – Убегай скорее!

Метьюз включил динамики и отсек заполнил голос Венды.

– Я хочу, чтобы ты вернулся! – кричала она, – Мне все равно никогда не простят любовь к тебе! Возвращайся быстрее! И привези с собою настоящих мужчин! Честных! Верных! Сильных! Мужественных! Таких, как ты! Покорите нас! Ты слышишь?! Покорите нас своею любовью и добротой!.. Покорите!..

Последние ее слова потонули в грохоте двигателя и неистовой вспышке раскаленных газов.

Единственное, что меня хоть как-то утешало во всей этой истории – это мысль о том, что 6000ºС испепелили ее в считанные доли секунды, так что она даже не успела осознать, что с ней произошло, и, наверное, даже не почувствовала боли.

* * *

Старый дедушка Бахрам замолчал и стал утирать платочком свои увлажненные щеки. После его рассказа воцарилось долгое молчание. Спустя некоторое время Савва Грохотов спросил:

– А как же ее последняя воля?

Дедушка Бахрам покачал головой:

– Он не исполнил ее. Может быть, его и стоило бы осудить за это, но он сам избрал себе казнь. Пытку молчанием. С нас он взял страшную клятву забыть обо всём, что мы видели, а сам взломал бортжурнал, стер с него малейшее упоминание

о нашем рейсе и наполнил его информацией о MCC26970 – мире убийственной радиации и раскаленной магмы. Насчет «черепашки» мы отбрехались, что утопили ее в лаве. А «Черную Черепаху» командор после этого рейса сдал в капремонт и полной заменой памяти и ушел из отряда. Что с ним было потом я не знаю.

– И все-таки я не понимаю, – сказал Брокс. – Командор Вильдан был, конечно, выдающейся личностью, но… как он мог не исполнить последней воли любимой женщины?..

– А я понимаю, – резко сказал командор Афлатун. – Он просто не мог ее исполнить. Неужели по-вашему, так просто найти в Галактике сто тысяч, да какой– там сто, хоть тысячу, хоть десяток настоящих мужчин?

И старики долго и одобрительно трясли головами, и кто-то вновь пустился в воспоминания, но тут дежурный электрик Викентий Самуилович поглядел на часы и воскликнул:

– Что это вы тут, старые хрычи, расселись? Третий час уже. Даст бог, не последний раз собираемся. Еще наболтаетесь.

И старики, кляня вредный Викин характер, стали расходиться по своим комнатушкам, чтобы на следующий день, вволю отоспавшись на работе, вновь собраться в Старой Хрычевне.

Проблема смазки

Ко дню рождения Акакия Евграфовича Борзого вся База начинала готовиться загодя; начальство посылало в Центр очередное представление к очередной награде; в АХО лихорадочно готовился приказ о приличной премии; киберхудожник Рубенчик спешно стряпал транспарант с портретом ветерана. В знаменательный день все свободное от работы население Базы собиралось в конференц-зале и получало редкую возможность лицезреть Акакия Евграфовича за столом президиума, гордо несущим на широченной груди массу отечественных и инопланетных орденов от дырявой раковинки, надетой ему на шею свирепым вождем племени галактических призраков Тамбы-Намбы, до Ордена Беспримерного Героизма с Бантами, Мечами, Лентами и Лавровыми Листьями, который мало того, что был изготовлен из золота, отороченного платиной с брильянтовыми вкраплениями; мало того, что при ходьбе наигрывал какой-то весьма своеобразный пикантный маршик; мало того, что умел изменять свою форму и светимость, чтобы не проигрывать в соседстве с другими орденами, – но еще и издавал тонкий, но чрезвычайно своеобразный запах (смесъ пороховой гари и паленой резины), что должно было напоминать всем присутствующим, что за здорово живешь и кому попало такие награды не даются. Однако все это было лишь официальной

частью, вызванной не столько почтением, сколько желанием умилостивить грозного отставника. Всем было известно, что Акакия Евграфовича чрезвычайно любят и ценят в Совете Ветеранов Галактики и что он, обнаружив где бы то ни было неполадки и нарушения, сразу же пишет жалобу и не кому-нибудь, а прямиком министру обороны, который некогда хаживал в походы под его началом. Однако министр перебрался в столицу, дважды женился, дважды развелся, подавил две попытки военного переворота и два десятка заговоров, а Борзой так и остался доживать век в глубоком космосе, в должности стармеха на громадной и неказистой с виду пустотелой стальной болванке, именуемой Базой, а молодняк вообще окрестил её «бузой», ну да их дело молодое, а базовские старики никогда свою обитель в обиду не давали. И в день рождения Борзого закуток под лестницей у комнатки дежурного электрика, именуемый также Старой Хрычевней, просто преображался. Для этой цели туда единственный раз в году приглашалась техничка со швабрами и пылесосом, она всё утро ползала по потолку и стенам, сдувая пыль и паутину, вытряхивая пепельницы и с характерным для роботов этого класса ворчанием выгребала пустые бутылки из-за пожарного щита. А вечером старики устраивали торжественный банкет (куда, кстати, совершенно случайно забрел и автор этих строк), где и чествовали «дорогого Каку», поднятием многочисленных тостов. Впрочем, самому юбиляру усердствовать не разрешали, ибо он должен был сохранить

себя в трезвом уме и здравой памяти до конца вечера, когда ему придет пора поведать собравшимся свою единственную и неповторимую, волнующую и захватывающую, умопомрачительную и невероятную Историю Ордена, которым, кроме него, могли похвастать разве что еще два-три человека во всей Галактике. Мне также посчастливилось её услышать и теперь я передаю эту историю вам, дорогие мои друзья, со всей возможной точностью.

* * *

Обведя всех собравшихся своими удивительными чисто-голубыми глазами, поразительно гармонирующими с кипенно-белыми волосами, легкими, как пух, на сухощавом розовом лице, озаренном кроткой улыбкой, Борзой покачал головой в сказал:

– Всё это конечно, прекрасно, но мне никогда не забыть дня рождения, который я провел на «Лёгкой СКУКЕ». Сейчас-то таких астрогробов уже не строят, а в моё время Легкий Стратегический Космический Универсальный Крейсер-Автомат считался основой боевого флота Галактики. Когда же к этому кораблю придавался еще и СКАТ (Самонаводящаяся Космическая Атомная Турель), то командир крейсера поневоле начинал себя чувствовать царём и богом на участке во много сотен тысяч космических километров. Но как бы то ни было, а назначение на «Легкую СКУКУ»

считалось почетной ссылкой, куда меня и упекли за то, что я повздорил с комполка, и не только упекли, а приставили ко мне еще в придачу Валюту Шпокина (или Шмякина? Не помню!), этакого бесцветного малого, который день-деньской решал шахматные задачи и вел бесконечные турниры с электронным мозгом СКАТа, хоть я его и предупреждал, что характер у нашего компа воинственный и манеры агрессивные. И вот мы дождались дня моего рождения, в который этот звездонавт собачий умудрился сделать СКАТу вечный шах. Вот ведь умник! Я как раз заканчивал отчет о первой неделе дежурства (нам выпало патрулировать в местах глухих мрачных, где-то в районе Черного Пояса Карлайля, где турбулентные гравитационные вихри ежеминутно могут закрутиться в пространственно-временные смерчи и забросить вас по ту сторону Бытия…) – и. вдруг в мой отсек с истерическим воплем влетает Валюха, Я глянул в иллюминатор и остолбенел. Прямиком на нас были направлены страшные самонаводящиеся атомные торпеды СКАТа. Он ведь был боевой машиной и запрограммирован на битву до победы любой ценой, Я знал, на что способны такие турели, и потому, приказав своему сменщику немедленно соглашаться на проигрыш, быстро собрался, перешел на СКАТ и перекрыл подачу энергоснабжения, к электронному мозгу. Теперь оставалось повозиться с час-другой и переключить управление турелью на бортовую ЭВМ «СКУКи». К сожалению, прошлая смена повредила рацию в скафандре. Из-за

этого я не услышал, как вопил, призывая меня, Валька, ибо именно в этот праздничный день на меня свалилось одно за другим сразу два несчастья.

Второй бедой оказался НЛО, который тихонько подобрался к нам, пока я был на СКАТе, и доброй старой морзянкой потребовал, чтобы мы отключили рацию, сложили оружие и предъявили корабль для досмотра.

В полутора километрах от нас пираты остановились, и тут только я смог; как следует разглядеть их корабль. Это была внушительная махина, по сравнению с которой наша «Скука» казалась утлой шлюпкой рядом с могучим линкором. Но до чего же этот корабль был дряхлым, обтрёпанным, покорёженным – ужас! Я мог бы держать пари, что после последнего капремонта он слонялся по космосу не менее трех столетий.

Я велел Вале надеть тяжёлый скафандр, дал ему плазменную горелку для сварки, вооружился сам и отключил гравитатор. Когда я прилаживал ему и себе реактивные ранцы, юноша посмотрел на меня так, как если бы я с бубном в руках собрался пошаманить. Я подмигнул ему и велел опустить светофильтр. Тем временем пришельцы пришвартовались к СКУКе, от люка из корабля к нашему поплыла переходная «гармошка». Когда она присосалась к нашему люку, я отворил двери шлюза и принялся ждать. Впрочем, ожидание продлилось недолго. В скором времени проём осветился, и напротив нас обозначились несколько человеческих фигур.

Они тоже увидели нас, но… просто не могли предположить, что в ту же секунду их противники (то есть мы) сорвутся с места и, опрокинув нападавших, ворвутся сами на территорию захватчика. Вид у нас в этих громадных никелированных скафандрах, похожих на доспехи исполинских рыцарей, с горелками, которые в невесомости казались похожими на огромные шаровые молнии, с реактивными струями, бьющими из кормы – видок этот, конечно, был отменный!

– Бросай оружие! – рявкнул я в мегафон. Двухсотваттный усилитель разнес мой голос по всем закоулкам пиратского корабля. Неожиданно я услышал детский плач и женские крики.

Я сбросил пламя горелки, притушил дюзы, поднял светофильтр и обнаружил в одном из коридоров толпу женщин с детьми. Я приказал Вале собрать оружие, которое в панике побросали незадачливые вояки, и потребовал, чтобы ко мне вышли капитан и его помощник. Никто не отозвался. Но меня это не смутило. Настроение у меня было хоть куда, а голове вертелась генеральская диссертация на тему «Практика абордажа в космических условиях».

– А известно ли вам, господа, – сказал я спустя некоторое время, что ваши действия попадают под статью 242 подпункт «в» Международного космического кодекса?

Ответом мне было молчание.

– А известно ли вам, – продолжал я, дождавшись, пока вся серьезность предыдущей фразы не уложится в их мозгах, –

что в соответствии с этим кодексом ваши действия квалифицируются как космическое пиратство и наказуются пятьюдесятью годами освоения сибирских пустынь без замены штрафом?

Тогда вперед выступил некий дряхлый старец и воскликнул:

– Как? Неужели на Земле еще живут люди?

– Не только живут, но даже пытаются сами на ней что-то вырастить для пропитания, – ответил я, пораженный его неосведомленностью, – Когда же вы ее покинули?

– О, давно, ужасно давно! – заскрипел старец. – Я тогда был еще совсем крохотным ребеночком. Мы странствовали между звёздами по меньшей мере полтора века.

– На таких-то вот посудинах? – изумился я.

– Да, мы – последние из Великой экспедиции Лейстнейра. Нам повезло больше остальных. Покинув умирающую родину, мы отыскали новый мир, прелестную маленькую кислородную планетку, на которой и живем теперь припеваючи, не боясь ужасов атомной войны, перенаселения и экологических, равно как и экономических кризисов.

Тут я им впервые по-хорошему позавидовал. Так сказать, белой завистью. И от этого еще больше рассердился.

– Тогда какого же рожна вы вернулись обратно и не просто так, а еще и с оружием? Что подвигло вас на пиратство, если у вас так-таки всего хватает?

Старикан покосился на кого-то в толпе, и тогда вперед вы-

шел красноносый и рыжебородый мужичонка, представившийся как коммодор Блейзер.

– Почтеннейшие государи! – объявил он со льстивой улыбкой». – Поверьте мне, никто не собирался вас грабить. В конце концов, мы и сами могли бы вас осыпать какой угодно валютой, золотом, уранитом, благо всего этого в избытке на нашей благословенной Плутозии.

– Чего же вам не хватает для полного счастья?

– Масла! – воскликнул он и скромно потупился»

– Че-е-го-о? – хором сказали мы с Валентином.

– Представьте себе, что прогресс на нашей планете затормозился из-за полного отсутствия на ней нефти. Нет её, нет и бензина, солярки, а самое главное – машинного масла. А без него наши чрезвычайно ценные машины и механизмы портятся, выходят из строя…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.